

ЭНДРЮ ПИТЕРСОН

САГА О СЕМЬЕ УГИБИ

ЧУДОВИЩЕ ЛОЩИН

Сага о семье Игиби

Эндрю Питерсон
Чудовище лощин

«ЭКСМО»

2011

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Сое)-44

Питерсон Э.

Чудовище лощин / Э. Питерсон — «Эксмо», 2011 — (Сага о семье Игиби)

ISBN 978-5-04-188897-8

Ледяные прерии позади. Теперь у семьи Игиби осталась одна надежда на спасение – Зелёные лощины. Может быть, там героям удастся спрятаться от Клыков... Но в этом укромном и цветущем краю есть свои опасности. Кто же на этот раз угрожает Джаннеру, Лили и их младшему брату? Страшные существа из Чёрного леса, суровые лощинцы или главный неизменный враг детей Наг Безымянный? Удастся ли детям Игиби защитить друг друга на этот раз?

УДК 821.111-93(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-188897-8

© Питерсон Э., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

1. Тишина, полная дыма	7
2. Гавань в лощинах	10
3. У штурвала «Энрамеры»	13
4. Свежие раны	16
5. «Дочь корабельщика»	19
6. Через Морские Клешни	23
7. Клык в Бан Роне	27
8. «Фруктовый сад, гостиница и кухня»	30
9. Совет в Твердыне	34
10. История королевы и крылья Хранителя	37
11. Два Хранителя и Пит Носок	40
12. Туралай	42
13. Тыквенный суп и старый друг	45
14. Наследство Каргана Игиби	48
15. Дом на Трубном холме	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Эндрю Питерсон Чудовище лощин

Джейми, моей невесте, которая отлично меня знает и тем не менее любит

Andrew Peterson

THE MONSTER IN THE HOLLOWS

Text copyright © 2011 by Andrew Peterson

Cover art by Nicholas Kole

Cover design by Brannon McAllister

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying and recording, or by any information storage and retrieval system, without permission in writing from the publisher.

This translation published by arrangement with WaterBrook an imprint of Random House, a division of Penguin Random House LLC.

© Сергеева В.С., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

1. Тишина, полная дыма

Джаннера Игиби разбудил не шум, а тишина.

Что-то случилось.

Он заставил себя сесть и поморщился от боли в шее, плечах и ногах. Каждое движение напоминало мальчику о ранах, нанесённых когтями и зубами.

Обладателя этих зубов и когтей он ожидал увидеть спящим на соседней койке, однако брата в каюте не было. Солнечный свет лился в иллюминатор и скользил туда-сюда по пустому матрасу как маятник, в такт качке. Одеяло и простыня валялись на полу, что, впрочем, Джаннера не удивило: Кальмар и дома в Глибвуде никогда не заправлял постель. Удивительней всего было его отсутствие.

Несколько недель подряд Джаннер и Кальмар не вылезали из постели – Джаннер выздоравливал от ран, а Кальмар составлял ему компанию. Каждое утро, просыпаясь, Джаннер видел своего мохнатого брата на соседней койке, как правило, с альбомом на коленях. Поскрипывание пера звучало успокаивающе, как птичье пение. Обычно Джаннер лежал несколько минут с закрытыми глазами, прислушиваясь к дыханию Кальмара и напоминая себе, что это существо на самом деле его младший братишка. Он никак не мог привыкнуть к новой внешности Кальмара и к хриплому рычанию, которым порой обрывался его мальчишеский голос. Зато дыхание оставалось прежним – и взгляд тоже. Если порой Джаннер сомневался – достаточно было заглянуть в эти ясные синие глаза, чтобы вспомнить, что под волчьей шкурой скрывается маленький мальчик.

Джаннер сделал глубокий вдох и спустил забинтованные ноги на пол. Раны заныли; он поморщился, увидев на бинтах тёмные пятна. Нии и Лили придётся делать перевязку, а значит, опять будет больно. Ему пришлось собрать все силы, чтобы встать; он редко это делал в одиночку. Мальчик содрогнулся при воспоминании о том дне, когда получил эти раны. Ледяная вода, в которую он прыгнул вслед за Кальмаром, жгучая боль от когтей, впивающихся в бёдра, царапающих спину и рвущих рубашку в лохмотья... и самое страшное – острые зубы, которые кусали Джаннера за плечи и за шею. Зубы брата.

Корабль скрипнул, и вновь настала тишина. Судно казалось живым существом. Оно стояло, как старик во сне; оно кашляло, когда надувались паруса; оно вздыхало, когда дул попутный ветер. Моряки весь день напролёт перекрикивались и смеялись, и даже ночью Джаннер слышал плеск волн о корпус и негромкие голоса вахтенных.

Сердцем корабля был Подо Рулевой. Одноногий старик ходил с носа на корму, с правого борта на левый, и его деревяшка отбивала такт до глубокой ночи, словно одушевляя корабль. Голос старого пирата неумолчно гремел и рокотал; если Джаннер вдруг начинал гадать, куда делся Подо, достаточно было прислушаться на мгновение, чтобы услышать отрывистую команду, взрыв хохота или стук деревяшки по палубе.

Но сердце корабля вдруг перестало биться, и это разбудило Джаннера. Ни странное спокойствие моря, ни тишина на палубе, ни даже отсутствие Кальмара не было таким тревожным, как молчание Подо Рулевого. Старик словно исчез.

А потом, как будто нарочно чтобы усилить тревогу Джаннера, повеяло дымом. Джаннер встал – слишком резко. От боли в ногах, шее и спине у него закружилась голова, но мальчика это не остановило. Он должен выяснить, что происходит на палубе, хотя бы для того, чтобы убедиться, что ему не снится кошмар.

Джаннер сделал три шага к трапу, и дверь распахнулась. В каюту хлынул свет.

– Джаннер, мальчик мой, зачем ты встал? Как выразился Милдреш Энворт: «Твой когтистый брат нанёс тебе тяжкие раны!» – Объёмистый живот Оскара Н. Ритипа, показавшись в дверях, заслонил солнце, как во время затмения.

– Господин Ритип, что случилось? Куда все делись? Почему пахнет дымом?

Джаннер шагнул вперёд и снова скривился от боли в ногах.

Оскар, переваливаясь, спустился по трапу:

– Ну-ну, успокойся. Вот так, паренёк... – Он взял Джаннера под руку, помогая ему устоять.

– Что случилось? – повторил Джаннер.

Оскар поправил очки и вытер потную лысину:

– Всё в порядке, мальчуган. Всё в порядке.

Оскар, который раньше целыми днями попыхивал трубкой за столом в задней комнате «Книг и всякой всячины» и лишь читал о настоящих приключениях, но никогда не ступал на палубу корабля, стал почти заправским моряком. Он был бос, в подсученных штанах и безрукавке, которая позволяла ему щеголять новенькой татуировкой. Хотя Оскар ничуть не похудел, выглядел он гораздо здоровее.

– Если всё в порядке, почему пахнет дымом? Клыки вернулись?

Семеро Клыков, которых они взяли в плен после бегства из Кимеры, дичали с каждым днём. Они выли и царапали стены, и стало ясно, что они не остановятся, пока не проломают обшивку. Кимерцы хотели казнить пленников, однако Ния не позволила. Спустя две недели Подо распорядился посадить Клыков в маленькую шлюпку, дав им кувшин воды. Он убедил остальных, что это ничуть не хуже казни, а если Создатель хочет, чтобы Клыки выжили, Он сам им поможет. С тех пор Джаннер много ночей лежал без сна, воображая, что Клыки каким-то образом догнали корабль, тихонько влезли на борт и перебили всех на судне.

Оскар, поднявшись на первую ступеньку, небрежно махнул рукой:

– Что ты, их давно нет. Это твоя мать послала меня за тобой. – Он посерьёзней. – Ты должен кое-что увидеть.

Джаннеру всегда казалось, что взрослые слишком тянут с ответами. Ноги у него так болели, что восемь ступенек трапа представлялись ему очень долгим путём; столько ждать он не хотел.

– В чём дело? Ну пожалуйста, господин Ритип!

– Нет, дружок. Это надо видеть своими глазами. Ну, соберись с силами, и пошли.

Джаннер ухватился за плечо старого друга и двинулся вверх по трапу. Когда глаза привыкли к свету, он впервые со дня отплытия увидел открытое море. Джаннер видел водную гладь, без конца и края уходящую на восток, с высоты Глибвудских утёсов и в тот день, когда они бежали из холодной гавани, окружённой белыми скалами. Но теперь море окружало мальчика со всех сторон. У него захватило дух. Тёмное море тьмы было огромным и ужасным; у Джаннера заколотилось сердце и закружилась голова... и он сразу влюбился в море.

Он вспомнил рисунок, изображающий юного Эсбена в открытом море, в день его рождения. Джаннер зачарованно часами смотрел на этот рисунок и мечтал однажды пережить то же самое. Солёный запах, блеск солнца на воде, память об отцовской любви к морю нахлынули, как приливная волна, и у него сжалось сердце.

Восторг спал, когда ветер переменился и Джаннер вновь почувствовал едкий запах дыма. Мальчик отвёл взгляд от моря и обнаружил, что все стоят на палубе, молча глядя на затянутое облаками небо на юге. Среди моряков виднелась высокая красивая женщина, которая левой рукой обнимала за плечи хромую девочку, а правой – маленького Серого Клыка. Рядом стоял Подо – без рубашки, держа в руке нечто вроде дубинки.

– Пойдём, дружок, – сказал Оскар.

Ния, Лили, Кальмар и Подо повернулись к Джаннеру.

Вид родных придал мальчику сил. Он отпустил руку Оскара и заковылял к матери. Ноги, плечи и спина так и горели, но его это уже не волновало. А главным было – ладонь Подо у него

на макушке, щека Лили, прижавшаяся к его плечу, материнские объятия, которые ничуть не разбередили раны, и робкое прикосновение Кальмара.

Джаннер почувствовал сквозь одежду когти брата и невольно поморщился. Неприязнь была мимолётная, но её хватило, чтобы разрушить чары.

– Доброе утро, сынок, – сказала Ния, коснувшись лица Джаннера. Она улыбнулась сыну, но в её глазах была печаль, и Джаннер понял, что она недавно плакала.

Лили молчала. Она просто держала брата за руку и смотрела на серый горизонт.

– Мама, в чём дело? – спросил Джаннер. – Почему никто не хочет сказать мне, что случилось?

Ния помогла ему подойти к борту и указала на горизонт:

– Смотри.

Но Джаннер не видел ничего необычного. Море было зловеще спокойным; оно как будто затаило дыхание. Казалось, корабль зашёл на чужую территорию. Но смотреть было решительно не на что! Все вокруг на что-то глазели, а Джаннер видел одни только облака. Потом он вспомнил запах дыма, и до него дошло:

– Это не облака.

Подо переступил с ноги на ногу и покачал головой:

– Нет, паренёк, не облака.

– Это дым, – догадался Джаннер.

Все карты, которые он когда-либо рассматривал, пронеслись перед его мысленным взором. Мимо летели континенты и страны, с их реками, горами и лесами. Он видел Скри, Фубские острова, беспредельную гладь Тёмного моря тьмы, лежащие на востоке Зелёные лощины. К югу от них, неподалёку от северо-западного побережья Даня, находился маленький остров...

– Анниера, – произнёс Джаннер. – Сияющий Остров.

– Да, мальчуган. Девять долгих лет прошло, а он ещё горит, – ответил Подо.

2. Гавань в лощинах

Если до сих пор Анниера казалась Джаннеру сказкой, теперь все сомнения развеялись.

Его убедили не ужасный дым и не запах гари, а лицо матери. Как будто все бури Тёмного моря собрались в глазах Нии Ветрокрыл. Джаннер увидел на её лице скорбь, гнев, боль и страх; эти чувства перехлёстывали друг друга, как волны, будоража глубокие воды памяти. И Джаннер поверил в Анниеру. Поверил, потому что для Нии Анниера была не сказкой, а воспоминанием. Она гуляла там об руку с человеком, которого любила. Там родились её дети. Она жила там и дышала воздухом легендарного Сияющего Острова.

Джаннер смотрел на серое море и витающий над ним чёрный дым. Он сочувствовал потере Нии и горевал о своей утрате. Он тоже, как и Ния, лишился дома. Джаннер с тоской думал о старом домике, стоящем теперь пустым и тёмным, о городке Глибвуд, превратившемся в развалины. Как же Ния должна была тосковать по своему королевству, своему городу, своим подданным – и своему мужу!

С того самого дня, как Игиби покинули Глибвуд, они только и делали, что перебирались с места на место. Из лесного замка дяди Артама – на Восточную излучину реки Блап, из Дагтауна – в Кимеру... а теперь они плыли через Тёмное море в Зелёные лощины, лежащие где-то за горизонтом.

Джаннеру надоело бегать. Ему хотелось найти место, которое он мог бы назвать своим домом. Место, где не бродят Клыки, где береговики никому не пытаются перерезать горло, где Игиби наконец вздохнут спокойно. Он мечтал об отдыхе. Он даже подумал: а что, если известия о гибели Анниеры ложь? А вдруг на острове его мечты ещё можно как-то устроиться; вдруг им даже удалось бы поселиться в замке Ризен, где он родился. В настоящем замке!

При мысли о собственной глупости Джаннер покраснел. Ему шёл тринадцатый год, но он уже знал, что жизнь мало похожа на рассказы в книжках. И всё-таки до сих пор он позволял себе втайне надеяться, что белые берега Анниеры ждут его. Теперь надежда сгорела и развеялась вместе с дымом.

– Мама, почему он ещё горит? – спросила Лили.

Ния закусила губу, и её глаза наполнились слезами. Он промолчала; вместо дочери ответил Подо:

– Не знаю, внучка. Наверное, нужно много лет, чтобы сжечь всё дотла.

– Девять лет? – недоверчиво уточнил Кальмар.

Ния вытерла глаза. Когда она заговорила, Джаннер услышал в голосе матери гневную дрожь:

– В душе Нага довольно ненависти, чтобы расплавить основание замка и добраться до самого сердца острова. Он не успокоится, пока Анниера не уйдёт на морское дно.

– Но почему? – спросил Джаннер. – За что он её так ненавидит? И вообще – кто он такой?

– Кто знает... Когда ненависть кипит слишком долго, она уже не нуждается в причинах. Она пылает ради самой себя и пожирает всё на своём пути. Перед войной до вашего отца доходили слухи о таящемся в горах зле... но Трог так далеко от Анниеры. Мы и не думали, что зло доберётся до нас. – Ния закрыла глаза. – Когда мы поняли, что Клыки собираются напасть на Анниеру, было уже слишком поздно. Ваш отец думал, что Симианский пролив защитит нас или хотя бы даст нам время укрепить оборону... – Она покачала головой и взглянула на детей. – Наг возник словно из ниоткуда. Как молния. Он желал гибели Анниере и нам.

– Но мы не нужны ему мёртвыми, мама, – напомнила Лили. – Мы спаслись только потому, что нужны Нагу живыми.

Ния вздохнула:

– Ты права. И я ничего не понимаю. Но Нагу, очевидно, известно то, что я знала с самого вашего рождения... – Она опустила на колени, спиной к дымному небу, и пристально взглянула на детей. – Он знает, что вы необыкновенные. Вы ценнее, чем можете себе представить. Похоже, Наг создал Клыков из людей...

Кальмар отвёл глаза и прижал уши, как испуганная собачонка. Ния притянула сына к себе.

– Но когда он напал на Анниеру, я увидела таких ужасных чудовищ, что и описать нельзя. Наг завладел древними тайнами. Тайнами камней и песен. Тайнами, про которые что-то знал Эсбен... ваш отец.

Каждый раз, слыша имя Эсбена, Джаннер ощущал трепет. Ему до сих пор не верилось, что его отец был королём. Но разговоры о власти, древних тайнах и камнях пугали мальчика.

Действительно, они, все трое, умели делать то, чему Джаннер не находил объяснения. Пение Лили соединяло детей Игиби, даже если они находились за много миль друг от друга. Когда девочка пела или играла, Джаннер слышал морских драконов. Их голоса гудели у него в голове, словно пчёлы в улье. А Кальмар под пение сестры, казалось, видел образы, скрытые от остальных.

Несколько раз в них пробуждалось что-то необъяснимое. Ния говорила детям, что это дар Создателя – то, что нельзя и не следует подчинять своей воле. Но если они не могли обуздать свой дар – как это удалось Нагу? И зачем? И откуда он узнал про наследников Эсбена нечто, оставшееся тайной даже для Нии?

– Лучше бы он оставил нас в покое, – буркнула Лили, положив подбородок на борт и глядя на воду.

– Я хочу жить, как раньше, – произнёс Кальмар. – Мы ведь будем в безопасности в Зелёных лощинах, правда?

Ния погладила мохнатую морду сына:

– Надеюсь.

– А с чего мы взяли, что Зелёные лощины не захвачены? – спросил Джаннер.

– Жители лощин сильны и не любят чужаков. Если кто и способен выдворить Нага со своей земли, то только мои родичи, – с улыбкой ответила Ния.

– А если Наг узнает, что мы там? – настаивал Джаннер. – Что тогда?

– Не знаю. Но чем дольше Наг за вами гоняется, тем сильнее я уверяюсь, что он боится вас. Боится! Поэтому не падайте духом. После битвы за Кимеру Наг, возможно, наконец оставит сокровища Анниеры в покое.

– А если ему ещё не надоело, – подхватил Оскар, – он, скорее всего, не додумается искать прямо у себя под носом. На месте Нага я бы решил, что вы бежали на запад, за пределы известного мира, или на юг, мимо Затонувших гор... как можно дальше от Даня. А мы пробираемся прямо к нему на задний двор.

– Наг Безымянный живёт рядом с Зелёными лощинами? – спросил Кальмар.

– На юге лощины граничат со Смертоносными горами, где среди высоких пиков стоит замок Трог. В нём Наг и вынашивает злые замыслы, – ответил Оскар.

– Но горы высоки, – сказала Ния, – и опасны. Через них нет пути. Только горностраникам хватает смелости там жить.

– Горностраники! Ха! – воскликнул Оскар тоном заправского моряка. Он сплюнул, но вместо солидного комка слюны вылетели одни брызги.

– Упражняйся, старина, – посоветовал Подо, вытирая руку. – Прежде чем плюнуть, собери во рту побольше слюны. И ещё, знаешь ли, нужно харкнуть покрепче. Вот, смотри. – Он откинулся назад и издал горлом такой громкий звук, что обернулась вся команда. Прежде чем плюхнуться в воду, плевков Подо пролетел изрядное расстояние, и кимерцы одобрительно

закивали. – Подо вытер губы. – Совсем другое дело. Прости, дочка. Надо же было научить товарища уму-разуму. Продолжай.

– Как я уже сказала, – произнесла Ния, устремив на старика испепеляющий взгляд, – только горностраники осмеливаются жить в горах.

– Но ведь горностраники служат Нагу Безымянному! – воскликнула Лили. – Зузаб, например.

– Горностраники служат самим себе. Зузаб оказался в Скри только потому, что Наг захватил его в плен. Или подкупил фруктами.

– Да, фрукты они любят, – подтвердил Оскар.

Джаннер вспомнил про Мобрика, горностраника с фабрики вилок. Если бы не три яблока, он бы ни за что не сумел подкупить человечка и, возможно, до сих пор, покрытый сажей, корпел бы в мастерской вместе с Сарой Кобблер и остальными пленниками.

При мысли о Саре Кобблер у него сжалось сердце. Каждый день после побега Джаннера преследовало воспоминание о её ясных и смелых глазах, о том дне, когда Сара осталась за воротами, в лапах Надзирателя и Мобрика, в то время как он уезжал в ночь. Но что он мог поделаться? Джаннер оказался на другом конце света. Даже если бы он остался в Дагтауне, вряд ли он бы сумел помочь Саре.

– А разве Наг не может просто обойти горы? – спросил Кальмар у матери.

– Нет, потому что лощины окружены густым лесом. Он называется Чёрный лес. Там никому не выжить. В Чёрном лесу растут древние деревья и обитают ужасные существа. Пастухи, которые подходят к опушке леса, рассказывают потом жуткие вещи. Они говорят о чудовищах...

Лили вздрогнула.

– Какие вещи? – спросил Джаннер.

– О каких чудовищах? – спросил Кальмар.

– Жители лощин называют их расщепками. Это ни на что не похожие существа. В страшных историях говорится, что Изгнанник Виль был расщепком. – Ния содрогнулась. – Короче говоря, Наг не сможет пройти через Чёрный лес. Даже Клыки не настолько глупы. Зелёные лощины – самое безопасное для нас место.

– Если от них хоть что-то осталось, дочка, – напомнил Подо. – Клянусь Создателем, ты права, и жители лощин – крепкие ребята, которые могут справиться с Клыками. Но прошло девять лет. Мир изменился. Когда-то и Анниера казалась неуязвимой... – Подо мрачно посмотрел на юг. Возможно, старика растревожили воспоминания об Анниере, где от рук Клыков погибла Вендолин – бабушка Джаннера.

Один из кимерцев крикнул:

– Капитан! Что-то летит!

Все взгляды обратились к матросу на носу, который указывал в затянутое дымом небо.

– А ну дайте подзорную трубу! – рыкнул Подо, и ему тут же протянули длинную трубку.

Старик поставил локоть на перила и, прищурившись, глянул в подзорную трубу.

В следующее мгновение Джаннер увидел что-то несущееся к ним со скоростью стрелы.

– Не бойтесь, парни, – произнёс Подо. – Это человек-птица.

3. У штурвала «Энрамеры»

Прежде чем осторожно опуститься на палубу, Артам облетел вокруг мачты. Его превращение из Пита Носка в могучее крылатое существо вселяло в Джаннера надежду на то, что мир полон не только ужасных, но и прекрасных неожиданностей.

Крылья человека-птицы, в размахе равные длине туловища, были тёмными, с красно-белым узором в форме глаз. Плечи и грудь у Артама остались худыми и мускулистыми – в общем, самыми обычными, не считая того, что кожа на них покраснела и как будто ороговела («Совсем как петушиный гребень», – подумал Джаннер), а по бокам, доходя до плеч, густо росли мелкие перья. Лицо Артама по-птичьи заострилось, волосы торчали в разные стороны. Он приземлился почти беззвучно, слышалось только лёгкое шуршание крыльев.

Ясные глаза Артама сразу же устремились на Джаннера, и тот засиял от гордости. Он даже забыл о своих ранах и выпрямился.

– Джаннер, я рад видеть тебя живым, – голос Артама был звучен и красив – это говорил Хранитель трона, а не визгливый безумец Пит Носок. – Он улыбнулся и кивнул Джаннеру, а потом с крайне серьёзным видом повернулся к Подо. – Нас заметили. Три корабля направляются к нам с юга. Я хотел взлететь повыше и посмотреть... на Остров, но увидел приближающиеся корабли и вернулся. Нельзя терять время.

– Что за корабли? – спросил Подо.

– Не знаю.

– Клыки?

– Возможно. На палубах полно народу, но я не смог приблизиться настолько, чтобы рассмотреть, кто это.

Подо нахмурился:

– Мы не выдержим боя с тремя кораблями.

– Что же делать? – спросил Джаннер, и ему показалось, что он встрял не вовремя.

– А что нам остаётся? Идти дальше и молиться, чтоб Создатель привёл нас в порт живыми и невредимыми, – ответил Подо и, подмигнув внуку, повернулся к команде. – Эй, моряки, ставьте паруса! Идём в лощины! Если ветер ослабеет, будем грести!

Моряки тут же взялись за дело, и корабль ожил.

– Джаннер, у тебя кровь! – воскликнула Лили.

Джаннер опустил голову и увидел, что по левой голени у него течёт тонкая струйка крови. Когда Ния и Лили торопливо повели его вниз в каюту, он в последний раз бросил взгляд на Кальмара и Артама – волчонка и человека-птицу. Ему так хотелось остаться на палубе с ними!

Подул ветер. Моряки дружно кричали; Подо стучал по мачте своей костью-дубинкой, выкрикивая одновременно хвалу Создателю и проклятия Клыкам. Ветер наполнил огромные паруса, мачта заскрипела, и корабль, как проснувшийся великан, со стоном двинулся вперёд.

Корабль, как сказали Джаннеру, назывался «Энрамера». Это было относительно новое судно – по подсчётам Подо, его выстроили лет за десять до Великой войны – всего, значит, ему было меньше двадцати. Маловато, чтобы обзавестись славной историей, но вполне достаточно, чтобы доказать свою пригодность на море. Сначала на «Энрамере» ходили в море рыбаки; после войны Клыки приспособили её под перевозку солдат и припасов. Несколько лет назад Гаммон, предводитель кимерских повстанцев, с небольшим отрядом захватил корабль во время набега на Фубские острова, и с тех пор «Энрамера» принадлежит ему.

Джаннеру казалось, что он прекрасно знает «Энрамеру» – не зря он так долго лежал в её недрах, словно младенец в колыбельке, прислушиваясь к скрипу корабля, ощущая каждое его движение, наблюдая за тем, как доски меняют цвет в зависимости от того, где стоит солнце... Теперь, когда наверху топали матросы и ветер гнал «Энрамеру» на восток, Джаннер предста-

вил себе удовольствие, которое испытывает корабль, рассекая волны. Он читал о капитанах в книжках, которые назывались «Бич морей» и «Западная ширь»; эти отважные люди давали названия своим кораблям и обращались с ними, как с возлюбленными. Джаннер вспомнил о любви своего отца к плаванию и подумал, что, возможно, с такой остротой чувствует настроение «Энрамеры» потому, что в его жилах течёт кровь Эсбена.

Когда Ния убедилась, что раны Джаннера хорошо перевязаны, она позволила ему подняться на палубу и чем-нибудь помочь старшим. Джаннер не хотел никому мешать, поэтому просто стоял, прислонившись спиной к двери в каюту, и ждал подходящего момента, чтобы спросить, какая нужна помощь. Едва выйдя на палубу, залитую вечерним солнцем, он увлёкся деловой суетой, царящей вокруг, и совсем забыл про свои раны.

Матросы взбирались на мачту, тянули толстые канаты, носились туда-сюда без всякой видимой причины, а Подо, стоя на мостике, выкрикивал команды. Одной рукой он держал штурвал, а другой размахивал над головой своей костью-дубинкой.

Из-за плеча Джаннера высунулась косматая голова Кальмара:

– Посмотри на деда. Как жаль, что это его последнее плавание.

Ветер бешено трепал седые волосы Подо, губы старика кривились в жестокой усмешке, но глаза оставались ясными и спокойными – они напоминали безмятежную гладь воды, которую не могли поколебать все ветра Ануота. Подо Рулевой был создан для моря, опасностей, битв, и горячая любовь к родным придавала ему сил, даже когда гибель казалась неминуемой. На него стоило посмотреть. Но чем бы ни окончился этот день – смертью в пучине или прибытием в Зелёные лощины, – Подо Рулевому больше не суждено было выйти в море. Драконы позволили своему давнему недругу в последний раз пересечь их владения.

– Похоже, он решил ни в чём себе не отказывать, – сказал Джаннер.

Артам, мелькнув над палубой, приземлился на носу, указал на юг и крикнул:

– Они приближаются!

Кальмар помог брату проковылять мимо дюжих кимерцев к борту. Джаннер заметил в отдалении три корабля, окутанных дымом. Они были ещё далеко, но решительно двигались наперерез «Энрамере», и Джаннер, хотя и плохо разбирался в мореплавании, понял, что ветер им в помощь.

Подо подошёл к борту и, прищурившись, посмотрел на горизонт, а затем издал нечто среднее между рычанием и смехом. Он погрозил кулаком, крепко выругался, развернулся и затопал обратно к штурвалу.

– Идите сюда, парни! – крикнул он.

Джаннер и Кальмар переглянулись и бросились к дедушке.

Подо положил руки Джаннера на рукоятки штурвала. Он встал на одно колено – так, что его поросшее колючей щетиной лицо оказалось на одном уровне с лицом внука, – и велел:

– Держи здесь и здесь. Видишь вон тот бугорок?

Джаннер увидел на востоке тёмную точку:

– Да, сэр.

– Туда нам и надо. Это Зелёные лощины. Они дальше, чем кажется. Направляй нос чуть левее этой точки, и корабль пойдёт куда нужно. Кальмар, твоё дело помогать Джаннеру. Позови меня, если ветер переменится. Ясно?

– Да, сэр, – отозвался Кальмар.

– А ты куда? – спросил Джаннер и с досадой услышал в своём голосе страх.

– Схожу за трубкой. Раз это моё последнее плавание, я не желаю упустить ни одно удовольствие! – Подо зашагал прочь, напевая весёлый мотивчик, и исчез в капитанской каюте.

Джаннер остался у штурвала; корабль казался таким огромным, а он сам – совсем крошечным. Штурвал крутился туда-сюда, словно жил собственной жизнью. Держать его ровно оказалось труднее, чем думал мальчик. Он чувствовал медленное колыхание моря под ногами,

волнующий душу напор воды и ветра, мощь парусов, корпуса и руля, которые обуздывали дикую стихию и гнали «Энрамеру» вперёд.

Джаннер сделал глубокий вдох, прищурил глаз и направил корабль на тёмную точку, как велел Подо. Он знал, что вся команда наблюдает за ним, однако сосредоточился на пятнышке суши, отчаянно стараясь не смотреть по сторонам.

Спустя некоторое время Джаннер поймал себя на том, что улыбается до ушей. У него даже щёки разболелись. Он впервые в жизни плыл на корабле.

4. Свежие раны

Спустя несколько минут Подо вышел из каюты с трубкой в зубах; хотя Джаннеру очень нравилось управлять кораблём, он обрадовался возвращению дедушки. Однако старый мореход лишь кивнул ему мимоходом и зашагал на нос, чтобы поговорить с Артамом. Руки у Джаннера начали уставать, но он знал, что будет скучать по восхитительным минутам у штурвала.

Он взглянул направо – и перестал улыбаться. Чужие корабли приближались. Они были уже так близко, что Джаннер различал движение на палубах. Кальмар то и дело напоминал брату, что смотреть нужно на далёкую землю, поскольку нос «Энрамеры» колебался туда-сюда.

– Видишь? – спросил Джаннер.

– Ага, – ответил Кальмар.

– Сколько их там?

– Пока не знаю. Тут, понимаешь, одна странная штука... – Кальмар недоговорил. Уши у него дрогнули, на лице отразилась тревога.

– Что такое? – спросил Джаннер.

– У меня хороший нюх, – ответил Кальмар, наморщив нос. – Я знаю, что их очень много. И я не просто чую запах – я могу *пересчитать* всех, кто там есть.

– Скажи дедушке, – посоветовал Джаннер. – Они с дядей Артамом, наверное, гадают, сколько у нас противников. И кстати, Кальмар... я тебе очень сочувствую.

– Почему?

– Ну, из-за твоего нюха, – серьёзно произнёс Джаннер. – Наверное, тебе очень тяжело. Соболезную.

– В каком смысле? – не понял Кальмар.

– Дедушка так пугает...

Оба расхохотались.

– Да уж! – воскликнул Кальмар. – Я, конечно, не скажу ему, но рядом с ним просто не продохнёшь! И между прочим, пугает не только дедушка... а вообще все! – Кальмар понизил голос. – Особенно Лили.

Смеясь, Джаннер поражался тому, как сквозь облик Серого Клыка проглядывает прежний Кальмар. Как будто мальчуган просто надел маску волка.

– Эй, гляди, ты сбился с курса, – сказал Кальмар, вытирая глаза мохнатой лапой.

Нос корабля снова отклонился на юг, и Джаннер тянул за рукоятку штурвала, пока корабль не выровнялся. Подо, стоя на носу, взглянул на внука и указал левее, потом снова сунул трубку в зубы и стал расхаживать взад-вперёд.

Кальмар похлопал Джаннера по спине, угодив прямо по перевязанной ране. Тот охнул и отдёргнулся. Жуткое, мучительное воспоминание о том, как когти Кальмара полосовали его тело, вновь нахлынуло на него, и он ощутил досаду. Поначалу он разозлился только на то, что Кальмар хлопнул его по спине, но в этой досаде был и гнев, не дающий Джаннеру покоя. Он ведь не хотел злиться. Он радовался, что Кальмар очнулся, и понимал, что Клык, который боролся с ним в воде, был лишь уродливой пародией на младшего брата. Но всё же... Это были те же самые когти. Те же самые клыки.

– Прости, – сказал Кальмар и помрачнел.

– Ничего, – отозвался Джаннер и крепче ухватился за штурвал. – Просто не распускай когти.

Он хотел пошутить, но в его словах прозвучала горечь.

Прежде чем он успел извиниться, Кальмар отпрянул и зашагал по палубе прочь. Джаннер хотел пойти за братом, но не мог бросить штурвал. Артам, разговаривающий с Подо на другом

конце судна, увидел, что Кальмар уходит, и вопросительно взглянул на Джаннера. В ответ тот пожал плечами и тяжело вздохнул.

– Капитан! – послышалось сверху. – Капитан!

Джаннер вытянул шею и увидел кимерского моряка, который, уцепившись за верёвку, смотрел в подзорную трубу.

– В чём дело, матрос? – спросил Подо, не сводя глаз с приближающихся судов.

– Это не Клыки! На палубах люди!

Команда издала радостный крик.

Джаннер заметил Кальмара рядом с Подо; брат что-то говорил деду и указывал на корабли. Подо кивнул и похлопал внука по голове.

– Кальмар говорит, что на кораблях больше ста человек. И что они готовят рагу из курицы с картофелем и масловицей. Я не раз едал это блюдо в Зелёных лощинах, парни! На этих кораблях лощинцы, а значит, нас с почётом проводят до Бан Роны!

Кимерцы вновь радостно завопили. И тут что-то плюхнулось в воду рядом с кораблём. Прежде чем Джаннер успел понять, что это такое, он заметил суету на палубе одного из кораблей, а в воздухе появилась крошечная точка, которая всё увеличивалась. Камень размером с голову Джаннера пронёсся на расстоянии полёта стрелы от «Энрамеры» и с плеском исчез в волнах.

Подо велел одному из моряков поднять белый флаг, но камни продолжали падать в воду, с каждым мгновением всё ближе к кораблю.

Почему жители лощин их атаковали? Несомненно, они понимали, что на «Энрамере» плывут не Клыки. Может, для лощинцев это не имеет никакого значения? Может, жители лощин, как и береговики, озлобились и ненавидят теперь всех на свете, а не только одних Клыков? Мучительно было сознавать, что есть на свете люди, которые ничуть не лучше волков и ящеров и готовы перерезать мирным путникам глотку, связать их и бросить в великую реку Блап. Поскольку другим людям, в отличие от Клыков, хватало сил быть добрыми, береговики казались каким-то чудовищным злом. Но про жителей лощин Джаннер слышал только хорошее. Да, они были грубиянами – но не злодеями. Во всяком случае, они отличались от береговиков.

Раздался оглушительный треск, и «Энрамера» покачнулась – камень наконец угодил в цель. Он грохнулся на палубу, проломил ограждение и свалился в море. Никто не пострадал, но при мысли о том, что могло случиться, если бы камень в кого-нибудь попал, Джаннер содрогнулся.

Он заметил, что корабль вновь сбился с курса, и потянул штурвал, чтобы выправить его. Джаннер понятия не имел, что ему делать, когда «Энрамеру» атакуют: он ведь слишком мал и слаб, чтобы управлять кораблём во время боя.

И словно в ответ, чья-то знакомая сильная рука коснулась его затылка.

– Отлично правишь, Джаннер, – сказал Артам. – Но сейчас лучше иди вниз. Здесь опасно.

Ещё один камень попал в «Энрамеру», и Джаннер, не думая больше ни о штурвале, ни о своих ранах, заспешил вниз вслед за Кальмаром. Он увёртывался от стремительно бегущих кимерцев и молился о том, чтобы не угодить под очередной камень. Спускаясь по трапу в трюм, Джаннер услышал треск. Корабль вздрогнул.

В трюме, на лавке, встроенной в переборку, сидели Ния, Лили и Оскар. Глаза у них были круглые от страха.

– Джаннер, что случилось? – спросил Ния. – Мы уже рядом с лощинами?

– Нет. Но это и неважно. На кораблях лощинцы, а не Клыки.

– Что? – спросила Ния, недоверчиво прищурившись.

– Они начали метать в нас камни, как только приблизились.

– Но...

– Ваше величество, даже жителей Зелёных лощин можно совратить, – заметил Оскар.

– Чушь, – возразила Ния. – Это мои сородичи. Сейчас я им скажу пару слов. – Она встала иправила платье, не обращая никакого внимания на очередной гулкий удар. – Пойдём, Лили.

5. «Дочь корабельщика»

Ния поднялась по трапу, распахнула люк и подождала Лили. Кимерцы между тем готовились к битве; Подо велел Артаму подвести «Энрамеру» ближе. Джаннер, Кальмар и Оскар несколько мгновений потрясённо смотрели на Нию, а потом вслед за Лили вылезли на палубу. Джаннер понятия не имел, что задумала мать, но он не собирался трусливо дрожать внизу.

– Дочка, что это ты затеяла? – крикнул Подо, стоящий у мачты. – Ступай вниз, пока тебя не убили!

– Ни за что. Джаннер сказал, что это корабли из лощин. Это правда?

– Так точно, – кивнул Подо, – и на них люди из лощин. Но они не пожелали вступить в переговоры и не перестали швырять камни, хотя мы махали и орали, как последние трусы. Он хотят нас потопить, ну а я тонуть не желаю. Значит, будет драка, хоть они нам и родичи. – Он вздрогнул, когда очередной камень плюхнулся в море за кормой.

Ния, устремив на три корабля такой взгляд, что Джаннеру захотелось провалиться сквозь землю, зашагала на нос, увлекая за собой Лили:

– Дочь, возьми свистоарфу и сыграй нам песенку. Только погромче. Помнишь «Дочь корабельщика»?

Три корабля подошли уже так близко, что Джаннер видел крепкие фигуры воинов на борту. В руках у лощинцев блестели мечи, топоры и боевые молоты. За их спинами шеренгой стояли лучники, держа на тетивах горящие стрелы. Ещё немного – и «Энрамера» запылает.

Лили убрала волосы с лица и поднесла свистоарфу к губам. Она покивала, вспоминая мотив, а затем над кораблём взвилась весёлая мелодия.

И сразу же мир вокруг изменился. Паруса захлопали на ослабевшем ветру, даже волны как будто улеглись, заслышав новый мотив. У Джаннера зазвенело в ушах, и голову наполнило знакомое ощущение. Он слышал слова – древние слова на древнем языке, – и хотя не понимал их, но улавливал настроение говорящих, словно подслушивал разговор за стеной.

Это были морские драконы. Джаннер догадался, что целые дюжины драконов кружат под кораблём. Могучие морские змеи обращали на людей и на «Энрамеру» не больше внимания, чем Джаннер – на облака в небе.

Кальмар заскулил, закрыл глаза и прижал уши. Голова у Джаннера шла кругом от чужих голосов, и мальчик понимал: как бы явственно он ни слышал драконов, Кальмар их *видит*. При этой мысли перед ним замелькали сверкающие плавники, красноватая чешуя, острые зубы и яркие глаза.

Он моргнул, отгоняя видение, и стал внимательно смотреть на Лили, которая стояла на носу корабля точно так же, как на ледяных утёсах Кимеры. Сестрёнка играла на свистоарфе и покачивалась в такт.

Лощинцы, словно окаменев, смотрели на «Энрамеру». Двигалось только море. Потом кто-то начал петь – а остальные подхватили:

О, я приду к тебе зимой,
Когда завоет вьюга,
И мех вина возьму с собой —
Ты жди меня, подруга.

Но горе, горе моряку —
Отец твой разъярён.
Как пёс, он вечно начеку
И живо мне снесёт башку —

Свою единственную дочь
Не пустит замуж он.

Жди, я весной к тебе приду,
Когда щебечут птицы.
Весь день за плугом проведу,
Чтоб выросла пшеница.

Меня не ждут здесь кров и стол —
Отец твой разъярён.
Он пахнет потом, как козёл,
На вид ужасен, нравом зол —
Свою единственную дочь
Не пустит замуж он.

Так, значит, летом я приду,
Напьюсь из колодца,
А после груш нарвём в саду,
Где ребятня смеётся.

Но ждёт несчастье моряка —
Не радости, не смех.
Ведь твой отец сильнее быка,
Он груб, рука его тяжка...
Его единственную дочь
Люблю я больше всех.

Приду, сверкая сединой,
Создателем храним.
Отца помянем мы с тобой
И свадьбу учиним.

Когда песня смолкла, Лили опустила арфу и взглянула на Нию:

– Всё правильно, мама?

– Просто превосходно, – ответила та. – Посмотри сама.

Корабли из лощин подошли ближе, но никто не стрелял и не кидал камни. Кимерцы обнажили оружие и стеной встали вдоль борта. Абордаж «Энрамере» явно не грозил, но чтобы примирить обе стороны, песенки было недостаточно. Кораблю крепко досталось, несколько матросов были ранены.

– Ваше величество, – сказал Оскар, взяв Нию под руку. – Ваше величество, вам и детям лучше спрятаться. Если эти люди попали под власть Нага Безымянного, им не стоит знать, что на борту сокровища Анниеры.

– Никто на свете не презирает Нага Безымянного сильнее, чем жители Зелёных лощин, – возразила Ния. – Моим детям ничего не грозит.

– Оскар прав. – Подо по-прежнему не сводил глаз с приближающихся судов. – Девять лет минуло. Даже в лощинах многое могло измениться. Ступай вниз, дочка. Артам, и ты тоже. Сейчас не время объяснять, откуда у тебя взялись крылья.

Гневно взглянув на стариков, Ния повела детей вниз. Артам плотно сложил крылья и последовал за ней в трюм, прячась за спинами кимерцев.

– Я снова почувствовал драконов, – сказал Джаннер, когда ребята уселись вокруг стола.
– И я, – отозвалась Лили дрожащим голосом. – Я подумала, они опять приплыли... за дедушкой.

– Они здесь, – сказал Кальмар. – Целые сотни. Они кружат в воде под кораблём. Наверно, они от нас и не отставали.

Лили схватила брата за руку и взглянула на него со слезами на глазах:

– Они сердятся?! Они снова нас преследуют?! Неужели дедушка погибнет?!

– Они не сердятся, – ответил Джаннер.

– Откуда ты знаешь? Что они сказали?

– Не знаю, что они сказали, но вряд ли они нарушат обещание. Дедушке дадут спокойно добраться до лощин. Не бойся.

Лили некоторое время изучала лицо старшего брата, а потом немного успокоилась.

Джаннер взглянул на Артама, вспомнив, что дядя тоже способен слышать драконью речь, однако тот стоял наверху трапа, одной рукой держась за дверь, а другой сжимая рукоять меча, готовый броситься на помощь Подо, если с лощинцами не удастся договориться мирно.

«Энрамера» стукнулась о чужое судно, и Джаннер услышал топот ног на палубе и голоса. Ния перестала расхаживать взад-вперёд и прислушалась; она была напряжена, как натянутая тетива. Лили, не выпуская лапу Кальмара, смотрела в пол, словно пыталась разглядеть в морской пучине стаи драконов.

Наконец дверь открылась, и Подо сунул в каюту свою седую голову:

– Артам, вы с детьми пока не показывайтесь на глаза. Ния, дочка, твои родичи хотят увидеть тебя.

Ния сделала глубокий вдох и молча поднялась по трапу. Прежде чем за ней закрылась дверь, Джаннер мельком заметил на палубе нескольких чужих моряков, на голову выше кимерцев. У всех была широченная волосатая грудь, золотисто-рыжая шевелюра, густая лохматая борода. Жители лощин походили на медведей. Увидев Нию, они удивлённо вытаращили глаза и ахнули.

Дверь закрылась, и Артам подмигнул детям.

– Будет весело, – прошептал он и поманил ребят ближе.

Все приложили уши к двери.

– Я дочь Подо Рулевого и Вендолин Игиби, – звучным голосом произнесла Ния. – Моим мужем был Эсбен Ветрокрыл. Вместе с ним я правила Сияющим Островом, пока Наг Безымянный не обрушился на свободные земли Ануота. Вы, наверное, считали меня и моих детей мёртвыми, но волей Создателя мы живы. Мы покинули Скри и ищем пристанища в Зелёных лощинах. Меня зовут... – Она помедлила. – Ния Ветрокрыл, королева Анниеры и дочь Зелёных лощин.

Несколько мгновений стояла мёртвая тишина – а потом палубу огласило ликующее «ура». Жители лощин хлопали в ладоши и топали ногами. Крик перекинулся на два других корабля; даже Артам и дети присоединились к нему.

Джаннер хотел открыть дверь, однако дядя остановил его:

– Ваша мать представит вас своим сородичам, когда сочтёт нужным. Ты не просто мальчик посреди моря – ты Хранитель Трона. Люди лощин знают, что это такое. Потерпи немного.

Джаннер понятия не имел, что всё это значит, но спорить не стал. Его мать – королева и уроженка лощин. На палубе стоят её сородичи – такие могучие, что им удалось пережить Великую войну и сохранить господство на море. Они продолжают бороться. А значит, в мире ещё остались места, неподвластные Нагу Безымянному. В одном из таких мест Джаннер и его родные наконец могут обрести дом.

– С нами всё будет хорошо? – спросил Кальмар.

– Наверняка, – ответил Джаннер. – Разве ты не слышал? Наша мать – королева Сияющего Острова.

У Лили глаза полезли на лоб:

– Неужели у нас будет дом?!

Аргам рассмеялся:

– С настоящими кроватями!

Джаннер захромал обратно к своей койке и вытянулся на ней, гадая, есть ли в лоцинах библиотека и сколько ещё времени пройдёт, прежде чем он устроится с книжкой где-нибудь в уютной развилке дерева.

Спустя несколько минут вернулась Ния. Щёки у неё покраснелись, и вид был счастливый. Она сообщила, что они в половине дня пути от Бан Роны, где их примут по-королевски – в этом она не сомневается.

6. Через Морские Клешни

– Ребята, идите сюда, только тихонько. Я хочу вам кое-что показать.

Подо не пришлось повторять дважды. Дети, проведя четыре долгих часа в трюме, радостно предвкушали прибытие в лощины. Джаннер и Лили заспешили вверх по трапу на освещённую вечерним солнцем палубу, а Кальмар отстал.

– Эй, Кальмар, – позвал Джаннер, оглянувшись.

– Идите, – сидя на койке, отозвался тот – серая тень в сумерках. – Я сейчас.

– Джаннер, иди, – велел Артам. – Я с ним побуду.

Джаннер был слишком взволнован, чтобы догадаться, в чём дело. Поэтому он просто закрыл за собой дверь каюты и втиснулся между Нией и Лили. Впереди виднелось главное судно лощинцев. Второй корабль шёл слева, а третий замыкал.

– Это ваш новый дом, – произнёс Подо, вытянув руку. – Бан Рона.

В ослепительном свете заходящего солнца Джаннер впервые увидел величественный портовый город Зелёных лощин. Вход в гавань обрамляли высокие утёсы, вздымающиеся из моря, словно две каменные стены. Они были вдвое выше корабельной мачты и, протянувшись на много миль, смыкались с сушей по обе стороны от города. Корабли как будто вплывали в гигантскую подкову. Над ними на фоне тёмно-синего неба высились острые скалы; пенные волны с грохотом разбивались о подножие громадных валунов, которым многовековые приливы и отливы придали странные формы. На вершине утёсов горели сторожевые огни и виднелись люди; они смотрели на корабли и с боевым кличем потрясали мечами, топорами и луками.

– Весть уже разошлась, – сказал Оскар. Он снял очки и вытер со щеки слезу. – Лощины встречают королеву Анниеры.

Джаннер с удивлением заметил, что Ния не улыбается. Прямая и суровая, она напоминала неприступную башню и с каждым раскатом боевого клича будто становилась всё строже. Ния казалась одновременно моложе и старше своих лет, и Джаннер почувствовал благоговейный холодок, подумав о том, что эта женщина – его мать.

По ту сторону гавани, в объятиях утёсов, лежал город Бан Рона. Солнце уже почти село, поэтому на улицах зажгли фонари, и в тысячах окон горели лампы, словно сами дома с весёлым любопытством наблюдали за прибытием гостей. Постройки на причале соединялись лабиринтом дощатых мостков, освещённых факелами. Высившийся над городом холм венчала грозная серая крепость.

– Это Твердыня, – произнесла Ния.

– Там живёт король? – спросила Лили.

– В Зелёных лощинах нет короля. Главу лощин называют Хозяином, и он больше похож на вождя племени. Этот титул не передаётся по наследству, как королевский венец. Люди выбирают Хозяина на Баник Дурга.

– А, состязания, – сказал Джаннер. – Кажется, я про них читал.

– Да. Если будет на то воля Создателя, в этом году ты увидишь их своими глазами.

Когда последний из кораблей вошёл в гавань, раздался громкий скрежет. Джаннер испуганно завертел головой, однако ни Подо, ни Ния не встревожились. Женщина указала на выступ ближайшего утёса.

– Смотри.

Наверху стены суетились люди. Лязг становился всё громче, пока вода за кораблём не начала бурлить и пениться. Из моря показалась огромная цепь, закреплённая между утёсами. На глазах у Джаннера она продолжала подниматься. Это была уже не одна цепь, а много – нечто вроде гигантской рыболовной сети, полностью загораживавшей вход в гавань. В её железные ячеи проскользнула бы разве что небольшая лодка.

– Это называется Морские Клешни, – объяснил Подо. – Через них не прорвётся даже самых мощный корабль. Никакого ветра не хватит. И среди капитанов нет таких дураков, чтоб рисковать.

Джаннер невольно улыбнулся. Он ещё ничего не знал про остальные лощины, но по крайней мере Бан Рона была безопасна: в ней не водилось Клыков и разбойников. Уютные дома на городских улицах казались такими же тёплыми и гостеприимными, как старый домик Игиби. Джаннер надеялся, что в одном из них они и поселятся.

Когда команда спустила паруса и Подо направил «Энрамеру» к берегу, один из моряков с первого корабля лощинцев прыгнул на пристань и обратился к компании мужчин и женщин, которые устремились к нему, чтобы поздороваться. Появились ещё люди и подтянули «Энрамеру» к причалу. Корабль глухо стукнулся о доски и остановился.

Путешествие через Тёмное море тьмы наконец закончилось. Кимерцы радостно закричали, и их восторг передался толпе на берегу. Люди хлопали в ладоши, махали руками и оживлённо переговаривались.

Повсюду Джаннер видел лощинцев – бородатых мужчин с обветренными лицами и женщин с длинными волосами, пламенеющими в лучах заката. Дети выглядывали из-за взрослых. Все были одеты в коричневое, тёмно-зелёное, синее, все улыбались, всем хотелось своими глазами увидеть давно утраченную дочь лощин. Подо наблюдал за Нией, а та смотрела на сородичей заблестевшими от слёз глазами.

Толпа расступилась, и вперёд вышел здоровяк, равных которому Джаннер ещё не видал. Одеждой он не отличался от остальных, однако мускулистые руки у него были обнажены, а на шее висела золотая цепь со сверкающим алым камнем. Рыжая борода была заплетена в семь косичек, украшенных драгоценными камнями семи разных цветов. Красивый орлиный нос и большие добрые глаза придавали ему благородства. Мужчина был ещё далеко не стар, однако в резких чертах его лица проступала мудрость. Джаннеру он сразу же понравился.

Мужчина взглянул на Нию – и словно окаменел. Они смотрели друг на друга, не говоря ни слова. Толпа молчала.

Наконец мужчина вполголоса произнёс одно-единственное слово:

– Ния.

Джаннер почувствовал, как мать замерла.

Спустя несколько мгновений Ния отозвалась:

– Радрик. Радрик бан Йорна. – Её лицо смягчилось. – Ты нынешний Хозяин?

– Да. А ты королева Сияющего Острова, – сказал Радрик, склонив голову. – Я долго молил Создателя сбережь тебя, где бы ты ни была. Девять лет мы не давали погаснуть нашим сторожевым огням, надеясь, что однажды этот день настанет. – Лицо мужчины сияло в последних лучах заката. Он опустился на колени, и все жители лощин как один последовали его примеру. При виде тысяч мужчин и женщин, которые кланяются его матери, Джаннер почувствовал, как по телу побежали мурашки. Радрик встал и возвысил голос: – Добро пожаловать домой, дочь лощин!

Лощинцы радостно завопили. Мужчины колотили себя в грудь кулаками, точно молотом.

Радрик вскинул руку, приказывая остальным замолчать, и оглядел стоящих на палубе:

– Подо Рулевой, это ты?

– Так точно, – ответил Подо и, кивнув Радрику, шагнул вперёд. – Гляжу, ты стал ещё выше, парень.

– А ты всё такой же страхолюдина.

– Как там твой папаша, жив-здоров?

Радрик улыбнулся:

– Для старика неплохо держится. По-прежнему уверяет, что из-за тебя ничего не чувствует левой дыркой.

– Поделом ему, – усмехнувшись, ответил Подо.

Взгляд Радрика упал на Джаннера:

– Сразу видно, что это сын Эсбена.

Джаннер покраснел и потупился. Раны у него сразу же перестали болеть.

– Да, – ответила Ния. – Мой старший сын, Джаннер Ветрокрыл.

– То есть Хранитель Трона? – подхватил Радрик, одобрительно кивнув. – А эта юная красавица – Поющая Дева?

– Да. – Девочка вежливо присела. – Меня зовут Лили Ветрокрыл. Мне девять лет.

Радрик рассмеялся:

– Приятно познакомиться, Лили. Зелёные лощины – страна музыки. Пусть твои песни наполнят наши виноградники и долины. – Он снова обвёл взглядом палубу. – А где ещё один?

– Джаннер, где Кальмар? – спросила Ния.

– В каюте, с дядей Артамом...

– Артам? Артам Ветрокрыл с вами?! – потрясённо перебил Радрик.

– Да, – ответил Артам, подходя к борту. Он набросил на плечи кусок парусины и крепко сжимал его концы на груди, заодно пряча когти. Толпа ахнула и зашептала; по мосткам и по улицам понеслась весть, что Артам Ветрокрыл здесь.

Радрик вновь поклонился; хотя он был выше и шире Артама, в присутствии Хранителя трона его глаза засияли, как у мальчишки:

– Добро пожаловать, господин. И молодой государь тоже здесь? – Ния кивнула, и Радрик восхищённо помотал головой. – Столько лет мы боялись, что Анниера погибла безвозвратно. Но на этом корабле сияет её свет. – Хозяин лощин и его подданные почтительно помолчали. Затем Радрик воскликнул: – Да что это я! Вам, наверное, смертельно надоел корабль. Спускайтесь же наконец на твёрдую землю – вы все! Как Хозяин лощин я приветствую вас в Бан Роне, где нет ни вороватых горностраников, ни Клыкков. Мой дом... – он взглянул на Нию, – ...твой дом.

– Спасибо, Радрик. – Ния улыбнулась, но её улыбка почти сразу погасла. – Хозяин, младший сын Эсбена перенёс много мук. Я прошу тебя обращаться с ним ласково. Джаннер, приведи брата. Хватит ходить вокруг да около.

Джаннер, хромая, спустился по трапу в каюту.

– Кальмар! – позвал он.

– Я никуда не пойду, – жалобно отозвался тот из угла.

– Там так красиво! Ты бы видел. Они просто с ума сходят оттого, что мы приплыли. Мне и самому не верится. И ни одного Клыка вокруг!

Кальмар молчал, и молчание длилось, пока Джаннер не понял, что сказал.

– Не бойся, Кальмар. Мама для них всё равно что королева. А ты... ты – Верховный король Анниеры. Неважно, что у тебя шерсть.

– Они будут на меня глазеть. И всё поймут.

– Что поймут?

– Что я слабак.

Джаннер шагнул в темноту, стараясь не обращать внимания на боль в ногах и в спине. Кальмара не было видно – только блестели глаза.

– Ты Верховный король. А я твой Хранитель. Ты не можешь вечно здесь прятаться.

Джаннер взял Кальмара за влажную мохнатую лапу и потянул к двери. Сделав глубокий вдох, тот стал подниматься по трапу. Джаннер знал: брат стыдится своего серого меха, острых ушей, чёрного носа... стыдится клейма, которое на него легло.

Когда братья вышли из каюты, Радрик разговаривал с Оскаром и старшим помощником Эрролом, поэтому Кальмар и Джаннер некоторое время стояли на палубе, не привлекая внимания.

А потом какая-то женщина завизжала. Радрик замолчал на полуслове и обернулся. Когда он заметил Кальмара, который стоял, обняв Джаннера за плечи, его замешательство сменилось ужасом. Кто-то закричал:

– Клык!

Мужчины и женщины хлынули на корабль, растолкав кимерцев, и кинулись к Кальмару. Тот зарычал и оскалился. Артам, Ния, Подо и кимерцы застыли от неожиданности. Кальмар присел, как пёс, готовый к прыжку.

– Кальмар, стой! – крикнул Джаннер.

Кальмар вздрогнул, и рык перешёл в горестный вой. С невыразимой печалью взглянув на Джаннера, он свернулся клубочком у его ног.

Джаннер успел накрыть собой младшего брата, прежде чем жители лощин обрушились на них. Он обвил Кальмара руками и, стиснув зубы от боли, цеплялся за него под оглушительные крики «Клык! Чудовище!», пока брата не вырвали из его объятий.

7. Клык в Бан Роне

Кальмара потащили прочь, пиная и молотя кулаками. Лили визжала, Артам громко звал племянника, а волчонок вырывался и тянулся к Нии и Подо, которые боролись с лощинцами, потрясённые их внезапной жестокостью. Ния колотила держащего её мужчину и выкрикивала приказы, но никто их не слушал. Джаннер пытался пробиться сквозь толпу, однако она была слишком плотной и злобной. Кто-то схватил его за руку и остановил. Сквозь шум толпы пробивались душераздирающие вопли Кальмара, визжащего, как щенок.

Джаннеру не верилось, что те же самые люди несколько минут назад радовались их прибытию. Лица лощинцев, совсем недавно добродушные, потемнели от гнева.

Наконец ещё один звук, подобный грому, перекрыл общий гвалт. Джаннер заметил краем глаза какое-то движение – это Радрик вскочил на палубу «Энрамеры». Хозяин лощин взмахнул над головой боевым молотом и что было сил так хватил им по мачте, что весь корабль затрясся.

– Я сказал – хватит! – взревел Радрик.

Настала тишина.

Лицо у Радрика покраснелось, глаза пылали. Одной рукой он держал молот, другую сжал в кулак. Грудь у него была напряжена так, что на рубашке отлетели пуговицы.

– Если желаете бросить вызов Радрику бан Йорне – пожалуйста! Мятеж так мятеж! – Он гневно взглянул на толпу и оскалил зубы, словно подзадоривая сородичей.

Мачта скрипнула, застонала и треснула, с грохотом повалившись через правый борт и увлекая за собой в море паруса и снасти. На палубе от неё остался лишь небольшой обломок.

– Отпустите зверёныша, и пусть королева Анниеры говорит! – крикнул Радрик. – Оливер, оставь её!

Ния вырвалась и бросилась к Кальмару.

Один за другим жители лощин отступали, пока над Кальмаром не остался один-единственный человек. Он стоял, поставив ногу на спину Кальмара и занеся над его головой меч.

– Это Клык, Радрик, – резко произнёс он. – Ты хочешь выпустить его на волю в лощинах?

– Если королеве Анниеры есть что сказать, выслушай её, не то она разорвёт тебя на куски, Банг.

Мужчина взглянул на толпу, на съёжившегося Кальмара – и наконец на Нию. Она гордо выпрямилась и подошла к Бангу вплотную. Тот опустил меч и отступил.

– Королева ты или нет, но привезти на наши земли Серого Клыка – это не шутка, – сказал Радрик и, опустив молот, пристально посмотрел на Нию. – Ты это понимаешь?

– Да.

– Тогда я спрашиваю тебя – не как старый друг, а как Хозяин лощин: зачем он здесь?

– Потому что... – Голос Нии оборвался. Она сделала глубокий вздох и подняла голову. – Потому что это мой сын.

Толпа ахнула. Даже Радрик был потрясён. Он взглянул на Кальмара, который, скуля, жался к ногам Нии:

– Это сын Эсбена Ветрокрыла?!

Ния с досадой смахнула слезинку со щеки. Она хотела что-то сказать, но не смогла.

Радрик приблизился к ней и понизил голос:

– Мне очень жаль, Ния. Но я Хозяин. Мы обсудим это на совете. – Стиснув зубы, он повернулся к Бангу. – Отведи Клыка в темницу, но не причиняй ему вреда.

Когда Банг шагнул к Кальмару, Артам встал между ними.

Ния положила руку ему на плечо:

– Артам, не надо. У моих сородичей свои законы, и нам придётся их чтить, если мы хотим поселиться здесь. Нельзя вечно убегать. Больше нам некуда идти.

Артам помедлил, опустился на колени и, шепнув что-то на ухо Кальмару, отошёл. Он мог сбросить парусину, расправить крылья и разогнать лощинцев, если бы захотел. Он мог подхватить Кальмара на руки и унести в безопасное место. Джаннеру тошно было стоять сложа руки, но если Артам позволил арестовать Кальмара – значит, на то есть веские причины.

Ния тоже наклонилась и посмотрела сыну в глаза:

– Не бойся. Как бы там ни было, завтра мы за тобой придём. Понимаешь?

Кальмар кивнул. Ния поцеловала его в лоб. Радрик подал знак, и Банг рывком поднял Кальмара на ноги.

– Банг! – рявкнул Радрик. – Не делай ему больно!

Банг нахмурился и неохотно кивнул. Он связал Кальмару руки за спиной, и волчонка увели.

Радрик сунул молот в петлю на поясе:

– Ния, я знаю, что ты гневаешься и не доверяешь мне. Я прослежу, чтобы его накормили и не обижали. Лощины – гостеприимное место...

– Избавь нас от болтовни, – перебил Подо, шагнув вперёд. – Если ты дашь приют моим родным и моей команде, мы будем тебе благодарны. Но пустых слов не нужно. Говорить мы готовы только об одном – когда нам вернут юного Кальмара.

Радрик перевёл взгляд с Подо на Нию и кивнул:

– Данниби отведёт вас на ночлег. Я пошлю кого-нибудь за вами утром, когда соберу семерых вождей. Тогда мы обсудим, что делать с Клыкком. – Повернувшись к Подо и кимерцам, он добавил: – Извините, что сломал мачту. – И зашагал прочь.

Когда толпа рассеялась, изящный бородатый мужчина в чёрном плаще (Джаннер вскоре убедился, что все мужчины здесь бородаты) шагнул вперёд и откашлялся:

– Приветствую вас. Меня зовут Данниби. Если последуете за мной, найдёте ночлег, еду и распивки.

– Распивки? – переспросила Лили.

– Ну да. То, что можно распивать. Сидр, сок, козьё молоко и так далее. Кто хочет горячий ужин и распивки?

После некоторого замешательства все на корабле подняли руки. Джаннер увидел на лице Нии тревогу, но слова Радрика его отчасти успокоили. Хотя Кальмара отправили в темницу, трудно было не радоваться настоящей постели и вкусной еде.

– Значит, вы за распивки, – заключил Данниби. – Тогда идём.

Сойдя на причал, кимерцы поцеловали доски и поблагодарили Создателя за благополучное прибытие.

– Есть распивки ягодные, виноградные, яблочные и вишнёвые. Назовите любой фрукт – у нас наверняка делают из него распивку, – похвастался Данниби, шагая по причалу.

– Славные ребята эти кимерцы, – сказал Подо. – Оставили своих родных в Скри, чтобы доставить нас сюда целыми и невредимыми. Надеюсь, здесь они отдохнут как следует.

– Так точно, – отозвался Оскар, по-прежнему изображая моряка. – Как выразился Бойг Маккроулин: «Отменное жаркое! Они его заслужили!» И я, кстати, тоже. Какой прок для Кальмара, если мы останемся ночевать на этой старой посудине? Да, ваше величество?

Ния попыталась улыбнуться:

– Вы правы. Довольно уже детям питаться рыбой и прелым овсом.

– Мне он нравится, – заявила Лили.

– Кто, Радрик? – уточнил Джаннер.

– Ну да, этот великан. По-моему, он не желает Кальмару зла.

– Мы с Радриком росли вместе, – сказала Ния, – и я знаю, что сердце у него доброе. Всё скоро уладится.

– Ставлю на кон свою распивку, что ты права, – произнёс Подо. – Ну, бегите.

– А ты разве не пойдёшь? – спросил Артам, поправляя парусину на плечах.

– Я ещё немножко побуду здесь, – ответил Подо, глядя в темноту за Морскими Клешнями. – Больше мне уж не стоять на палубе. Эх, лучше бы меня сшибло камнем за борт! Я это заслужил – и вдобавок бы умер, хлебнув напоследок морской воды. Для моряка нет смерти лучше.

Джаннер разглядывал спину дедушки, гадая, что творится в бурной душе старого пирата. Все эти годы в Глибвуде Подо избегал утёсов и старался даже не смотреть на море, особенно в День дракона. Бан Рона стояла у моря, и каждый порыв ветерка впредь должен был напоминать Подо о том, чего он лишился. После того как Джаннер повидал деда на корабле, он уже не мог представить его счастливым на суше.

– Ты не только моряк. Ты отец и дедушка, – сказала Ния, погладив Подо по спине. – И впереди у тебя много счастливых лет. Попрошайся с морем, и пойдём. Ты нужен нам.

– Пожалуйста, деда, – взмолилась Лили.

Подо отвёл взгляд от воды. Его густые брови дрожали. Сделав над собой усилие, он отошёл от сломанной мачты, подобрал с палубы кость и вместе с Лили спустился по сходням.

На краю сходней он остановился и взглянул на чёрную воду, плескавшуюся вокруг корабля.

– Ваша взяла, драконы. Пронзающий Чешую больше не побеспокоит вас. Спасибо, что пропустили.

Как только Подо шагнул на причал, гавань вдруг забурлила и из глубины поднялась целая масса гибких туловищ. Драконы извивались, кружились и пенили воду, пока Юрген, древнейший из них, не издал гулкий рёв. Факелы на причале затрепетали. Подо застыл спиной к морю, закрыв глаза и низко опустив голову.

Лили обезумела от страха. Она бросила костыль и, прыгая на одной ноге, обеими руками потащила деда за собой. Наконец Подо сдвинулся с места – он сделал шаг, другой, третий. Всё ближе к суше, всё дальше от Тёмного моря. Когда Подо наконец ступил на булыжную мостовую Бан Роны, драконы исчезли так же внезапно, как и появились.

Подо тяжело вздохнул, улыбнулся внучке и сказал:

– Ну что ж, теперь поужинаем и выпьем. В трюме у меня пусто, и жабры пересохли. Куда там пошёл этот Данниби?

8. «Фруктовый сад, гостиница и кухня»

Джаннер не сразу понял, в чём странность Бан Роны.

Они шли по опрятным городским улицам, минуя повозки и беседующих на ходу людей. Перед многими домами были разбиты садики, и к крыльцу, петляя между яркими клумбами и грядками картофеля, вела дорожка. Мужчины и женщины сидели на скамейках, попыхивали трубками, жевали виноград и смеялись, радуясь вечерней прохладе.

А ещё повсюду были собаки. Очень большие. Джаннер видел в окнах домов их хвосты, реющие, как флаги. Собаки свернувшись лежали на крылечках, бегали за палками... В лощинах жили псы самых разных окрасов и пород, но все они были самое малое вдвое крупнее Малыша (конечно, до того, как он выпил воды из Первого источника). Не раз собаки выбегали на улицу, чтобы поздороваться с проходившей мимо Лили; похоже, они чувствовали в ней огромный запас неисчерпанной любви.

– Люди совсем не боятся, – сказал Джаннер, наконец сообразив, что его удивляет. – Уже темно, а на улицах полно народу, и нет ни одного Клыка. Все счастливы. Я никогда такого раньше не видел.

– Так было, и так должно быть, – произнёс Артам. – Работа закончена, ужин на столе, детишки хотят перед сном наиграться досыта. Это час сказок. Посмотри.

Они миновали лужайку, на которой в каменном круге горел огонь. На скамейке сидела старушка с книгой на коленях и читала собравшимся вокруг ребятишкам. Ушей Игиби достигла музыка свистоарфы, а вместе с ней пение. Проходя мимо окна, Джаннер уловил аппетитный запах и разглядел собравшуюся за столом семью. Мальчик вспомнил День дракона в Глибвуде, когда он слышал поющего у костра барда Армулина. Но здесь никто ничего не боялся. Здесь не было Клыков.

Джаннер увидел впереди кимерцев, шагающих вслед за Данниби. Подъём на холм был пологим, но после морского путешествия Джаннер и остальные отвыкли от долгих прогулок. Поэтому они изрядно запыхались, нагоняя Данниби и компанию.

Впрочем, Оскар был проворен, как швап; он с улыбкой шагал впереди и вертел головой во все стороны, широко распахнув глаза.

– Я иду по улицам Бан Роны! – восклицал он, отдуваясь. – Я и не думал, что однажды пересеку Тёмное море! Костры! Клумбы! Создатель, пусть здесь найдутся и книги!

Данниби ждал под вывеской, на которой было написано «Фруктовый сад, гостиница и кухня». Он улыбнулся, толкнул дверь, и Джаннер почуял запах тыквы, корицы и масла. Кимерцы уже расселись за деревянными столами и у камина, где пылал огонь. Местные жители обернулись, чтобы посмотреть на моряков. Джаннер видел в их взглядах одно лишь любопытство, без неприязни и подозрения. Вскоре местные вновь принялись за свои разговоры и еду, не мешая усталым морякам отдыхать.

Оскар протиснулся к пустому столу и помахал остальным. Как только Ния села, он плюхнулся на стул и принялся заправлять салфетку за ворот рубашки.

Статная женщина с волосами, собранными в пучок, подошла к столу и встала перед гостями, уперев руки в бока.

– Добро пожаловать, путешественники. Данниби нравится мой тыквенный хлеб, вот он и привёл вас сюда. – Она окинула взглядом всех поочередно и остановилась на Нии. – Это правда?

– Что? – спросила Ния.

– Ты Ния Ветрокрыл?

– Да.

– И ты привезла в Бан Рону Клыка?

Джаннер напрягся, ожидая вспышки гнева, но Ния ответила спокойно:

– Нет. Я привезла своего сына. Как бы он ни выглядел, он не Клык.

Женщина, казалось, удовлетворилась ответом Нии и без дальнейших расспросов приняла заказ. Джаннер попросил виноградного сидра и миску куриного рагу. Ему не верилось, что он ужинает в настоящей таверне, а поблизости нет ни единого Клыка.

Подо встал и поднял кружку с элем из корневицы:

– Матросы «Энрамеры»!

Кимерцы радостно взревели в ответ и тоже воздели кружки.

– Благослови Создатель Гаммона из Скри, который разбил Клыков в битве у Кимеры и помог нам спастись! Пусть он и его храбрые воины сражаются, пока наша земля не обретёт свободу! Благослови Создатель всех вас, переплывших Тёмное море, хотя под нами были драконы, а позади Клыки!

Кимерцы вновь загалдели. Жители лощин с улыбками смотрели на них.

– Благослови Создатель Зелёные лощины, куда боится ступить Наг Безымянный!

Теперь уже местные разразились восторженными криками.

– Благослови Создатель Анниеру, – продолжил Подо.

Воцарилась почтительная тишина. Мужчины и женщины склонили головы.

– Пусть это великое королевство возродится из пепла. – Подо взглянул на Нию и Артама, потом на Джаннера и Лили.

– Пусть Создатель хранит Кальмара сегодня, – произнёс Джаннер так тихо, что его услышали только родные.

– Да будет так, – сказал Артам.

Дверь кухни отворилась, и подавальщики стали выносить подносы, уставленные дымящимися мисками. Посетители оживлённо загалдели. Джаннер старался есть и радоваться, но веселиться от души мешала тревога за брата. Он молился, чтобы Радрик сдержал слово и чтобы Кальмара вкусно кормили и не обижали, пока родные его не освободят.

Когда они покончили с едой, Норн, тощий и лысый хозяин таверны, проводил гостей в комнаты. Он был особенно проворен и любезен: ведь Данниби привёл к нему толпу клиентов и пообещал полный чан бузинной наливки со следующего урожая. В каждой спальне стояли две кровати, поэтому Ния и Лили заняли одну комнату, Оскар и Подо другую, а Джаннер и Артам третью. Комнаты были простые, но уютные, с мягкими постелями, шкафом для одежды и письменным столом.

Норн принёс мазь и чистые бинты для перевязки. Мазь была в глиняном кувшине, и, когда Ния открыла его, по комнате разнёсся горьковатый запах.

– Что это? – спросил Джаннер, поморщившись.

– То, чего мне страшно не хватало на корабле, – сказала Ния и обмакнула в кувшин чистый лоскут. – Это смесь мелко нарезанного чеснока, сока слизевицы и корня смеклы. Мы называем её небальзам. Он не только быстро заживляет раны, но и снимает боль. Ложись.

Джаннер морщился от каждого прикосновения, но раны сразу же охватило приятное тепло. Ему вдруг стало очень трудно держать глаза открытыми; возможно, таково было действие снадобья.

Ния накрыла Джаннера одеялом до подбородка.

– Я разбужу тебя к завтраку, – сказала она и поцеловала сына в лоб. – Отдыхай. Завтра перед советом надо будет помыться и переодеться. Я точно не засну, зная, что мой сын совсем один в тюремной камере.

– Мне совсем не хочется спать, – зевнув, произнёс Джаннер... и настало утро.

Он спустился на первый этаж и обнаружил, что все уплетают овсянку с молоком. Не успели они покончить с завтраком, как пришёл Данниби, чтобы проводить их в Твердыню.

Гавань окутывал утренний туман, заслонив всё, кроме вершин утёсов, где мерцали крошечные огоньки сигнальных костров. Пока Ветрокрылы шли к Твердыне, город просыпался. На ветвях деревьев, растущих вдоль улиц, пели птицы. Скрипели садовые калитки – мужчины и женщины всех возрастов, ещё сонные, выходили навстречу новому дню. Собаки сбегали с крылечек, чтобы отправиться на утреннюю прогулку. По улицам, гроыхая, катились повозки.

Джаннер заметил на углах кучки ребятишек с кожаными сумками. Вид у них в основном был мрачный; многие словно спали стоя. Некоторые сидели прямо на земле, рассеянно водя палочкой по пыли. Кто-то растянулся на скамейке. Девочки, собравшись по двое и по трое, хихикали и играли в верёвочки.

– Мама, – спросил Джаннер, – зачем дети тут стоят? Им что, не надо работать?

– Они ходят в школу, – рассеянно ответила Ния. Она явно думала о другом.

Из-за ближайшего угла выехал длинный фургон с сиденьями, запряжённый четырьмя осликами. Возница поздоровался с детьми, и те, ворча и зевая, стали рассаживаться.

– Кажется, они не в восторге, – заметил Джаннер, оглядываясь. Фургон между тем проехал несколько кварталов и остановился, чтобы подобрать очередную компанию школьников.

– А чего им радоваться? – усмехнулся Подо. – Целое утро корпеть за книжками, вместо того чтобы заниматься *делом*. Я бы тоже захандрил.

– Они занимаются делом, папа, – возразила Ния. – Мне, например, нравилось ходить в школу, и маме тоже. И тебе бы понравилось, если бы ты рос не среди разбойников.

Подо пожал плечами:

– Может быть!

– А мы тоже пойдём в школу? – спросил Джаннер.

Он никогда не ходил в настоящую школу. В Скри все школы закрыли, когда пришли Клыки, поэтому родители сами обучали детей. Джаннер часто читал про школы, учеников и учителей, но в Глибвуде ему приходилось довольствоваться СНОПами (Старинный Набор Обязательных Предметов, которым обучались все дети на Анниере – слово, форма и мелодия). Джаннер так любил читать и писать, что даже не представлял, как можно не радоваться такому времяпрепровождению.

– Сейчас меня интересует только Кальмар. Мы должны его вызволить. Про школу подумаем потом, – сказала Ния, когда они вышли на главную улицу.

Посередине широкого проспекта, который вёл прямо на зелёный холм, увенчанный Твердыней, росла полоса высоких деревьев. Дома здесь были больше, их украшали резные карнизы, во дворах журчали фонтаны.

Данниби подошёл к главным воротам Твердыни. По обе стороны входной решётки стояли стражи. Джаннер вспомнил ворота фабрики, и по спине у него пробежал холодок. Впервые за всё утро мальчику стало страшно. А вдруг тот человек... как его? Банг? – вдруг Банг сделал Кальмару больно, очень больно? Вдруг все члены совета больше похожи на Банга, чем на Радрика?

Стражи у ворот уставились на Артама. На нём по-прежнему была наброшена парусина, но любой бы догадался, что она что-то скрывает.

За воротами оказался поросший травой двор, а за ним стояло приземистое, но красивое строение из дерева и камня. По стенам и колоннам вились лозы. На них висели разноцветные плоды, и люди, вооружённые длинными шестами, собирали их в корзины, то и дело останавливаясь, чтобы сунуть ягоду-другую в рот. Джаннер насчитал четыре этажа. Окна Твердыни были распахнуты, и люди, стоя на балконах, смотрели на город и на море. С крыши свешивались зелёные ветки. Джаннер никогда ещё не видел, чтобы деревья росли на крышах, но жители Зелёных лощин, похоже, могли вырастить что угодно где угодно.

Массивные двери Твердыни были широко открыты, и Данниби ввёл гостей в просторный зал. Глаза Джаннера не сразу привыкли к тусклому свету, люющемуся в проделанные под

потолком окна, но он сразу же понял, что зал полон людей. Они сидели вокруг огромного дерева, которое росло из насыпи в центре зала. Его ствол был толще самого старого глибвудского дуба, а нижние сучья размером не уступали дереву. Ветви как могучие руки тянулись вверх, к потолку, и в стороны, к стенам. Джаннер понял, что на самом деле они *вросли* в стены и в потолок Твердыни, а значит, ветки, торчащие над крышей, тоже часть этого дерева. Трудно было сказать, где заканчивалось дерево и начиналась Твердыня.

Между огромными корнями стоял деревянный трон, на котором в блеске своего могущества восседал Радрик бан Йорна, в чёрной тунике и плаще. Борода из семи косичек, украшенных драгоценными камнями, ниспадала на широкую грудь, на которой сверкала алая подвеска. Рядом с огромным деревом Радрик должен был казаться крошечным, однако оно лишь придавало ему величия. Джаннер знал, что Радрик не король, но титул Хозяина показался мальчику в ту минуту ещё пышнее королевского, и он с трудом сдержал желание поклониться.

Вокруг Радрика собрались сотни жителей лощин – все они сидели на поросшем травой земляном полу. Молодые и старые, мужчины и женщины, красивые и некрасивые, они смотрели на Нию Ветрокрыл и её спутников. Джаннер чувствовал, что страх и тревога, тяготившие его мать, преобразились в подлинную силу. Ния стояла под тяжёлыми взглядами членов совета, ничуть не уступая в достоинстве и мощи Хозяину. Оба были величественны и грозны, как утёсы у входа в гавань, и казалось, будто между ними висит незримая цепь.

– Королева Ния, – произнёс Радрик. Он встал, и его зычный голос разнёсся по залу, как грохот падающего валуна. – Пора решить судьбу Клыка.

9. Совет в Твердыне

– Подойдите сюда. Для вас приготовлено место, – сказал Радрик и указал на изгиб корня слева от своего трона.

Ния вместе с Лили, Джаннером, Оскаром, Артамом и Подо прошла сквозь толпу. Джаннер чувствовал, что все собравшиеся наблюдают за ними; он стыдился своей походки, улыбки, потрёпанной одежды. Ему хотелось источать такую же тихую силу, как Ния, однако мальчик был уверен, что выглядит нелепо.

Они подошли к корню, и Радрик жестом попросил их сесть. Перед ним в деревянных креслах поменьше сидели вожди – четверо мужчин и три женщины. Каждый вождь явился со своим псом. Одни собаки свернулись в ногах у хозяев, другие устроились рядом с креслами. Возле трона неподвижно сидел пёс Радрика – такой огромный, что казалось, он мог проглотить любую собаку. Волосы у женщин и бороды у мужчин были украшены драгоценными камнями, вроде тех, что сияли в бороде у Радрика, но у всех своего цвета.

Вожди нахмурились, когда Ветрокрылы сели на деревянную скамью.

– Я Хозяин лощин вот уже пять лет, – начал Радрик. – Вы бежали с Анниеры девять лет назад. И несколько лет ты прожила на ней до войны.

– Да, Хозяин, – ответила Ния. – Прошло много времени с тех пор, как я покинула лощины.

– Сегодня я собрал совет, чтобы выслушать тебя. Но также я хочу объяснить тебе, что произошло на твоём корабле, чему ты стала свидетельницей. Я вовсе не желаю оскорблять королеву Сияющего Острова. – Он ждал ответа, но Ния, вздёрнув подбородок, молчала. – Когда Наг Безымянный и его Клыки напали на ваше королевство, до нас доходили слухи об этом, но мы долго им не верили. Целый день с моря пахло дымом. Потом он затянул всё небо. Я был в числе тех, кто отплыл на Анниеру, чтобы помочь вам, но... – Радрик кашлянул. – Но город пылал. Пламя вздымалось до небес. Мы собрали уцелевших, и они все легко уместились на одном корабле. Это было ужасно. Клыки и тролли плясали среди пожарищ. Видел я и других тварей... – Он понизил голос. – Длинноногих и быстрых. Тварей, которые завывали и перескакивали через горящие дома...

Лили прижалась головкой к плечу Подо и закрыла глаза. Джаннер окинул взглядом совет и понял, что лощинцы, побледнев, вспоминают минувшие ужасы.

– Мы бежали, – продолжал Радрик. – Анниера лежала в руинах, и мы боялись, что следом настанет очередь Зелёных лощин. Поэтому мы взошли на корабли и поплыли, опережая дым, а Клыки – за нами. Сторожá у Морских Клешней не были готовы к внезапному набегу и не успели вовремя поднять сеть. Клыки ворвались в гавань. Их были тысячи. Мужчины, женщины и дети взяли за оружие. Мы тушили пожар за пожаром, метали камни. Клыки меж тем попрыгали за борт и поплыли на берег. И, когда они выползли из воды и двинулись на нас, как чума, мы стали биться с ними мечами, молотами, стрелами и копьями. Мы сражались даже голыми руками. Много людей погибло тогда, Ния. Ты не представляешь сколько. Твои родные из Бан Ругана – Малик и прочие Игиби, весь клан Бормина, Ярли Крах и его пять дочерей, твои дядья и тётки, двоюродные братья и сёстры, Ния. Они все погибли.

Ния сидела с закрытыми глазами, прямо и неподвижно, но Джаннер знал, что слова Радрика ранили её.

– Это было ужасное время. Девять лет Клыки не давали нам покоя с моря. Шесть раз они нападали на нас. Целый флот пытался преодолеть Морские Клешни. Снова и снова мы их отгоняли. Они не смели лезть к нам через Чёрный лес, хотя с течением времени даже расщепки осмелели. Земли, куда некогда без страха заходили наши пастухи, теперь кишат тварями, которые бродят в чаще и на опушках.

Радрик вновь помолчал, ожидая ответа Нии. Но та сидела молча.

– Все эти годы на наших северных границах было спокойно. Клыки боялись холода. Мы видели, как они тупели и ёжились, когда дул ледяной ветер. Их солдаты никогда не наступали с северных холмов. Мы жили спокойно. Но год назад случилась беда. В лощины пришла новая тварь.

Радрик подал знак кому-то в дальнем конце зала, и массивные двери распахнулись. Двое мужчин ввезли клетку на деревянной тележке. В клетке сидело несчастное, сломленное существо.

Морда у него была длиннее, чем у Серых Клыков, которых Джаннер видел в битве за Кимеру. Те Серые Клыки казались разумными – куда разумнее полуящеров. Но это существо рычало по-звериному и трясло прутья клетки. Даже издалека Джаннер заметил, что его глаза, пустые и безумные, лишены всего человеческого; тварь крутила головой, окидывая всё вокруг голодным бессмысленным взглядом. Мохнатая пасть кривилась, обнажая длинные и острые как иглы зубы, сухой чёрный язык свешивался набок, точно дохлая рыба, шерсть местами была выдрана, и в проплешинах виднелась розовая кожа.

Увидев толпу, существо заметалось ещё сильнее. Оно выгнуло спину и издало пронзительный крик – видимо, выть уже не могло. Чёрные глаза забегали, разглядывая зал, и Джаннер содрогнулся, когда их взгляд остановился на нём. Эти глаза напоминали бездонные чёрные колодцы. Не будь Радрик так спокоен, Джаннер схватил бы Лили и бросился бежать.

– Это, – произнёс он, – лишь тень той твари, которую мы поймали. Его звали Ньюхло. Он ещё неплохо умел говорить, когда попался нашим разведчикам. Там был целый отряд Серых Клыков, отправленных на разведку вдоль наших границ. Остальных мы перебили. Ты знаешь, что случается, когда они умирают?

Ния кивнула:

– Они превращаются в пыль. Нам известно, что такое Клыки, Радрик.

– Отлично. Значит, ты знаешь, что случается с ними по прошествии времени?

Ния помедлила. Джаннер вспомнил Серых Клыков, которых они взяли в плен. День ото дня они становились всё неистовей, и никто не знал, что с ними случилось, когда их посадили в лодку и предоставили судьбе. Вероятно, они погибли, но, как сказал Подо, всё в воле Создателя...

Ния взглянула на скулящее чудовище в клетке и содрогнулась:

– Полагаю, вот это.

– Серые Клыки опасны и в обычном виде, если можно так выразиться. Но гораздо хуже то, чем они становятся со временем. – Радрик приблизился к клетке. Существо затрясло прутья и снова издало тонкий крик. – Они превращаются в кошмар. Боюсь даже представить, что будет, если эту тварь выпустить в лощинах. – Он кивнул стражам, и те укатали клетку. – Сами понимаете, ваше величество, мы не можем дать свободу Клыку на нашей земле.

Ния встала, сжав кулаки.

– Говори, – позволил Радрик.

Возможно, Джаннеру померещилось – но он подумал, что Хозяину лощин очень страшно.

Сделав над собой усилие, Ния заговорила:

– Я пришла к вам не только как королева Анниеры, но и как дочь лощин. Я выросла здесь, в Бан Роне. Мой дедушка Карган Игиби сам два года был Хозяином. Я вижу здесь посланцев из Бан Гина, Бан Ругана, Бан Йорны и других деревень – мужчин и женщин, которые знали меня и всех Игиби. Я люблю эту землю так же, как вы, и не желаю подвергать её опасности.

Джаннер заметил, что Радрик украдкой бросил взгляд на собрание, и в его густой бороде как солнечный зайчик мелькнула улыбка. Поначалу Джаннер не понял её смысла, но потом увидел лица собравшихся, и до него дошло: лощинцы слушали с необыкновенным вниманием.

Ния сделала глубокий вдох, повернулась к вождям, сидящим, как ребяташки под деревом, и продолжила свой рассказ.

10. История королевы и крылья Хранителя

– Клыки напали на замок Ризен стремительнее, чем мы думали, – тихо сказала Ния, однако её голос разнёсся по всему залу. – Мы с Эсбеном и детьми сидели в столовой – и в следующее мгновение повсюду уже были когти и чешуя. Клыки ворвались в замок. Мы бежали. Эсбену не удалось выбраться из замка. Моя мать тоже погибла.

Подо хрипло вздохнул и усталился в пол. В зале послышались всхлипы; Джаннер задумался, многие ли здесь знали Вендолин.

– Создатель помог нам пересечь Тёмное море тьмы, и мы много лет тайно жили в маленьком городке Глибвуд, где родился мой отец. До нынешнего лета Клыки понятия не имели, кто мы. Но один из них распознал герб Анниеры на моём ожерелье, и они отослали бы нас к Нагу, если бы не помощь... – Она взглянула на Артама, и все тоже посмотрели на него. Он сидел, закутавшись в парусину и опустив голову. Джаннер увидел, как у дяди дёрнулась щека и вздрогнуло одно из спрятанных крыльев. – Артам Ветрокрыл, Хранитель трона Анниеры, разыскал нас. Он много лет охранял сокровища Анниеры и пришёл к нам на выручку, когда мы оказались в плену. – Ния улыбнулась Артаму, но тот отвёл глаза. – Хранитель трона исполнил данную клятву. Даже Тёмное море не стало для него преградой.

Щёки Артама заалели то ли от смущения, то ли от волнения. Он всхлипнул – так тихо, что, скорее всего, никто, кроме Джаннера, его не услышал. Странно было видеть в нём проблески прежнего Пита Носка, ведь Артам уже давно вёл себя как раньше, до Великой войны. До того, как с ним случилась беда и он обзавёлся ранней сединой и ужасными когтями, которые прятал в вязаных носках.

На Фубских островах что-то произошло, и Джаннер до сих пор не понимал, что именно. Из Кальмара сделали Серого Клыка, а когтистый безумец Пит Носок стал прекрасным крылатым воином. Неуклюжие клешни превратились в пальцы цвета ржавчины, оканчивающиеся тонкими изящными когтями. Пит Носок сделался чем-то большим; прежний бред сменился изысканной речью (в конце концов, Артам был поэтом). Но как в Пите Носке проглядывал подлинный Артам, так и в подлинном Артаме теперь проглядывал Пит Носок. И Джаннера это тревожило.

– Мы бежали, – продолжала Ния, отведя взгляд от Артама. – По пути в Ледяные прерии, где мы надеялись найти укрытие, Джаннер и Кальмар отстали от нас. Потом они потеряли друг друга. Джаннер пережил много опасностей, однако ему удалось бежать из Дагтауна и добраться до Кимеры, тайного города под снегом. Но Кальмар... – Голос Нии надломился. – Кальмар сбился с дороги.

В зале воцарилась мёртвая тишина. Даже огромное дерево, казалось, слушало.

– Его поймали береговики – люди с чёрной душой – и продали Клыкам. Он оказался в темнице и...

Джаннер прекрасно знал эту историю, но слушать её было невыносимо. Он не представлял, каково рассказывать целой толпе посторонних людей о пережитых страданиях, и порадовался, что нет Кальмара.

– Он стал Клыком, – продолжала Ния. Лоцинцы забормотали, качая головами. – Наг научился менять людей. Он может взять сущность змеи или волка и слить её с человеком, чтобы создать ужасное существо. Вот откуда берутся Клыки. Кальмара взяли в плен те, кто делает из людей Клыков.

В зале послышались гневные возгласы. Мужчина по имени Банг вышел из толпы и крикнул:

– Я так и знал! Это зверь, и исцелить его нельзя! Мы убиваем всех Клыков – значит, убьём и этого! Если он не человек, ему здесь не место!

И тогда Артам сбросил парусину и расправил крылья.

– Жители лощин! – воскликнул он. – Узрите благую волю Создателя!

Люди ахнули.

– Я был сломлен, говорю вам, я почти перестал быть человеком! Я утратил облик и обезумел от горя! Но в Фубской темнице я спел песнь камней – и не стал Клыкком, но обрёл крылья! – Он взмахнул крыльями, и у тех, кто сидел неподалёку, растрепались волосы. – Мне неизвестно, в чём причина. Но я твёрдо знаю, что в моём сердце пылала любовь к юному Кальмару. Наг гнёт и ломает живые существа – а Создатель заставляет их расцветать! Зло роет яму – а Создатель творит колодец! Такова Его воля.

– Хранитель Ветрокрыл, я тебя слышу, – отозвался Радрик, оглаживая бороду. – Мы видим твои крылья и относимся к тебе с таким же подозрением, как и к юному Клыку. Я бы велел тебя связать, если бы думал, что это удастся.

Лощинцы одобрительно забормотали.

– Ты ни животное, ни человек – ты существо, преображённое вопреки природе. Как этого можно было добиться, если не тёмной магией?

Судя по лицу Нии, та тоже хотела знать ответ. Подо и Оскар задумчиво вскинули густые седые брови. Оба наблюдали за Артамом. Человек-птица взъерошился и сложил крылья, а потом сдержанно кивнул.

– Эта тайна превышает моего понимания, но кое-что я могу вам сказать. – Артам сцепил руки за спиной, обвёл взглядом собравшихся и откашлялся. – Когда Клыки взяли замок Ризен, мой брат Эсбен... – Он сглотнул, перевёл дух и начал сначала: – Когда Клыки взяли замок, мой брат Эсбен...

Джаннер увидел на лбу у дяди капли пота.

– ...Эсбен сказал, что ему нужно вабрать одну зещь... забрать одну вещь. Он сказал, что ему нужно забрать-брать-рать одну вещь. Что ему вужно нырнуться! Нырнуться! – Артам закрыл глаза, стиснул зубы и мотнул головой.

По залу полетел шёпот. Кровь отхлынула от лица Джаннера – он понял, что Артам погружается в глубину, а на поверхность выплывает Пит Носок. Артам открыл глаза и взглянул на Джаннера с таким неподдельным ужасом, что у мальчика сжалось сердце.

– Простите, – прошептал Артам. К кому он обращался – к Джаннеру или ко всем присутствующим? – Простите, простите... – твердил он, и в его голосе звучали знакомые пронзительные интонации Пита. – Он вновь закрыл глаза, присел и рванулся в воздух. Взмахнув своими огромными крыльями, он несколько раз облетел дерево, прежде чем опуститься на высокую ветку. И Джаннер увидел в бешено вращающихся дядиных глазах не только безумие Пита Носка, но также и скорбь Артама П. Ветрокрыла, Хранителя трона, который ничего не мог с собой поделать. Как бы Артам ни был могуч и прекрасен, что-то по-прежнему не давало ему покоя. Какое-то воспоминание таилось как дракон в глубоких водах души и неделями лежало тихо, выбирая подходящий момент, чтобы всплыть на поверхность.

Радрик схватил боевой молот, стоящий рядом с троном. Зал огласили сердитые возгласы и боевые кличи; жители лощин потрясали кулаками. Ния и Подо умоляли их отложить оружие. Оскар махал руками и кричал:

– Как выразился Говерли Свимп: «Прекратите панику!»

– Они его убьют! – воскликнула Лили. Она указала на нескольких мужчин, натягивающих тетиву луков.

Не помня себя, Джаннер проскользнул за спиной у Радрика, влез на спинку трона, подпрыгнул и уцепился за нижнюю ветку дерева. Ему тут же показалось, что все те разы, когда он лазил по обомшелым глибвудским дубам, перескакивая с сука на сук, и гонялся за Кальмаром, чтобы поймать его или не дать свалиться, были подготовкой к этой самой минуте. Джаннер карабкался на дерево проворно, как швап, перелетая с ветки на ветку. С каждым мгновением

мальчик приближался к потолку, под которым дрожал и ёжился Пит, похожий на залетевшую в комнату птицу. Он шевелил когтями и беспорядочно хлопал крыльями.

Артам был напуган – и сам внушал ужас.

Джаннер пополз вдоль ветки толщиной с человеческое туловище, окликая Артама, но если тот и слышал племянника, то не подал виду. Лучники наложили стрелы на тетиву и прицелились в Артама, ожидая знака Радрика либо первого угрожающего движения человека-птицы. Джаннер не сомневался, что, если бы Артам захотел, он мог бы справиться с любым воином в этом зале, но лощинцы были старыми союзниками, друзьями, родичами; они преследовали его не со зла, а от страха. Артам в достаточной мере сохранил рассудок, чтобы обуздать ярость – но почему он не улетает? Двери в зал широко распахнуты, и ему ничего не стоит вылететь из Твердыни и спастись.

Джаннер твёрдо знал, что хочет сделать, но в ту минуту, оказавшись так далеко от пола, он подумал, что спятил.

– Дядя Артам! – крикнул он, но тот лишь помотал головой и вытаращил глаза. Не глядя на Джаннера, он продолжал бормотать бессмысленные слова.

Если Джаннер собирался действовать, медлить было нельзя. Лучники только и ждали повода выстрелить. Радрик что-то орал, Оскар размахивал руками, Ния стояла, прижавшись к Подо. Только Лили смотрела на Джаннера.

Их глаза встретились, девочка улыбнулась, и Джаннер крикнул:

– Дядя Артам, на помощь!

И прыгнул.

11. Два Хранителя и Пит Носок

Сквозь испуганное аханье, хлопанье крыльев и крики до Джаннера донёлся пронзительный клич Артама, и он почувствовал, как сильные руки подхватили его в воздухе. Мальчик ощутил порыв ветра, в глаза ударил солнечный свет... а потом, прежде чем Джаннер успел опомниться, его осторожно поставили на крышу Твердыни.

Ветви громадного дерева, сами как деревья, выходили из-под крыши; хотя из зала отдалённо доносились крики, здесь, наверху, воздух звенел от птичьего пения. На востоке, насколько хватало глаз, тянулись зелёные холмы и долины, усеянные деревьями и клочками возделанной земли. Там и сям в тени деревьев ютились домики. На юге и на западе серели крыши Бан Роны, дальше лежала гавань, ограждённая отвесными стенами Морских Клешей, а за ней – Тёмное море тьмы. Солнце двигалось к зениту, и Джаннеру пришлось прищуриться, чтобы разглядеть Артама – крылатый силуэт, увенчанный лохматой белой шевелюрой.

– Спасибо, Джаннер. – Голос у Артама дрожал, но это явственно был Артам, не Пит.

– Просто не забывай об этом, – сказал Джаннер, беря дядю за руку. – Ты Хранитель трона.

– В том-то и дело, дружище. – Артам улыбался, но в его голосе звучала горечь. – Есть то, что я хотел бы забыть, да не могу. То, что я ещё не испытал.

Джанер помрачнел:

– Что, например?

Артам покачал головой:

– Я хочу, чтобы ты помнил меня порядочным человеком, а не трусом.

Джаннер растерялся. Дядя не раз спасал их – он дрался с Клыками, не щадя себя. Кто назвал бы Артама трусом?!

Суматоха в зале усилилась; Джаннер услышал шаги на лестницах, ведущих на крышу.

– Дядя Артам, послушай! Это всё неважно. Я люблю тебя. Мы все тебя любим.

– Разлюбили бы, если бы знали, – ответил Артам, отошёл к краю и расправил крылья. –

Мне надо лететь. Здесь от меня будут одни только неприятности.

– Пожалуйста, не улетай! Ты нам нужен!

– Эта земля – возможно, последний безопасный уголок на свете. Ты пойдёшь в школу, заведёшь друзей, будешь читать книги... Джаннер, в Бан Роне прекрасная библиотека. В юности я не раз приезжал сюда изучать древних поэтов. Ты наконец обрёл дом. Разве ты не понимаешь? Вам и так будет нелегко освободить Кальмара. Не хватает ещё этих нелепых крыльев...

На лестнице раздались шаги и громкие голоса.

– И потом, я никогда не знаю заранее, когда зачну наговариваться...

– Начну заговариваться, – тихонько поправил Джаннер.

– Вот видишь? – Артам опустил голову. – Боюсь, меня невозможно исцелить.

От слёз у Джаннера щипало глаза. Он не хотел жить в мире без Артама, который заболел о них и возникал из ниоткуда, когда они в нём нуждались. Но он видел грусть в глазах дяди – и непоколебимую решимость.

– Куда ты полетишь?

Артам провёл рукой по лицу и прошептал:

– Подальше от Чёрного леса.

– При чём тут Чёрный лес? – спросил Джаннер.

– Я полечу в Скри. – Артам положил руку на плечо мальчику и заставил себя улыбнуться. – Гаммону и его бойцам наверняка пригодится человек-птица. Если мне суждено устраивать переполох, по ту сторону моря от него будет больше пользы. Раз ты в безопасности, я полечу туда, где нужна моя помощь.

– Твоя помощь нужна здесь, – возразил Джаннер и вытер нос. – Ты нужен мне!

– Вот она, тварь! – закричал кто-то.

В дверях показался мужчина. Держа обеими руками боевой топор, он осторожно шагнул вперёд; за ним теснились и другие вооружённые лощинцы, мужчины и женщины.

– Мы здесь не потерпим расщепков, слышишь? Не потерпим!

Артама опустил на колено и крепко обнял Джаннера:

– Да благословит тебя Создатель, мальчуган. Береги брата. Будь лучшим Хранителем, чем я. У тебя есть Подо и Ния. Хотя на первый взгляд этого не скажешь, жители Зелёных лощин на свой лад добры и благородны. Ты обретёшь здесь новый дом. Прощай.

Джаннер взглянул в глубокие глаза Артама и вспомнил ту минуту на верёвочном мостике, высоко под кронами Глибвудского леса, когда Пит Носок пригласил ребят в свой лесной замок. Даже тогда Джаннер разглядел безмерную печаль в его глазах. Отчего теперь, после небывалого преобразования, безумие вернулось в душу Артама? И что такое обитает в Чёрном лесу, если даже Артаму П. Ветрокрылу страшно? Джаннер вспомнил свой прежний страх перед Глибвудским лесом, потом путешествие в Дагтаун, потом фабрику вилок и девочку с необыкновенными глазами, которые сияли, как драгоценные камни на покрытом сажей лице...

– Дядя Артам, послушай. В Дагтауне есть место, которое называется фабрика вилок, – сказал Джаннер. – Там трудятся рабы. Дети.

– Это мы быстро исправим, – подмигнув, ответил Артам.

– Там есть девочка, её зовут Сара Кобблер, – продолжил Джаннер и покраснел. – Пожалуйста, отыщи её. Она помогла мне сбежать. Передай ей... спасибо от меня.

Артама улыбнулся:

– Обещаю. Ты настоящее сокровище, мой мальчик. Твой отец гордился бы тобой.

Лощинцы бросились в атаку, размахивая оружием. Не сводя глаз с Джаннера, Артам взмахнул крыльями и поднялся в воздух. Он пролетел над крепостью, отбрасывая стрелы, как палочки. Джаннер сквозь слёзы смотрел, как его дядя скрылся за облаком.

12. Туралай

Лощинцы успокоились на удивление быстро. После бегства Артама толпа грозных мужчин и разъярённых женщин вернулась в зал, пряча оружие и оправляя одежду; все уселись по местам, готовые продолжать совет. Как только Джаннер подошёл к родным, сидящим у подножия дерева, те сгрудились вокруг него, возбуждённо перешёптываясь.

– Ты цел? – спросила Ния.

– Ну и ну! Вот это отчаянный поступок, мой мальчик! Молодчина! – воскликнул Оскар.

Подо сжал Джаннеру плечо:

– Хорошо, что этот псих тебя не уронил.

– Где он? – спросила Лили.

Остальные замолчали и посмотрели на Джаннера.

– Улетел.

– Насовсем? – уточнил Подо.

– Не знаю.

Все молча обдумывали эту весть. Джаннер заметил, что зал тоже молчит.

Ния повернулась к совету:

– Радрик, я прошу прощения. Артам несёт в душе огромное бремя, и иногда силы ему отказывают.

Радрик снова уселся на трон, и Джаннер почувствовал в нём спокойную доброту, которой хотелось доверять.

– Каждый из нас несёт своё бремя, королева. Но не все отрачивают крылья или покрываются шерстью. Зелёные лощины недоступны для зла только благодаря нашей силе, бдительности и неуклонной решимости истреблять всё, что грозит нарушить мир на нашей земле. Поймите, ваше величество, мы не хотим оскорбить вас, ваш титул и Анниеру, когда говорим, что не позволим Серому Клыкку расхаживать по нашим улицам.

В зале раздалось одобрительное бормотание, и у Джаннера сжалось сердце. Речь Нии как будто убедила лощинцев, но безумная выходка Артама лишила Кальмара всякой надежды.

– Неужели я не смогу убедить тебя, что мой сын разумен? – спросила Ния. – Ты хочешь сказать, что я должна выбирать между родиной и сыном?

– А кто и чем поручится, что он, как ты говоришь, разумен? – вопросом на вопрос ответил Радрик.

И тут у Джаннера мелькнуло постыдное сомнение. Он знал, что душа его брата постепенно исцелялась... но что, если Кальмар, как дядя Артам, несёт бремя вины, страха или безумия? Вдруг на него что-то найдёт – и маленький Серый Клык впадёт в такое же неистовство, как Артам несколько минут назад? Вдруг он кого-то ранит или убьёт? Раны Джаннера всё ещё напоминали, на что способен Кальмар в ярости.

– Я поручусь за него, – произнесла Ния. – Я объявляю туралай.

Зал ахнул.

Джаннер не знал, что такое туралай, но Радрик побледнел.

Подо взял дочь за руку и попытался посадить, но Ния вырвалась и, подойдя к трону, опустилась перед Радриком на колени. Хозяин лощин шархнул от неё, и Джаннер услышал, как он произнёс – тихо, но настойчиво:

– Ния, пожалуйста! Не надо!

Но гнев Нии уже нельзя было усмирить. Она повторила:

– Туралай!

Крики толпы слились в ужасающую какофонию. Одни лощинцы потрясали кулаками и восклицали: «Правильно, пусть поручится!», другие качали головами и говорили: «Нет-нет, только не королева!»

Наконец Радрик, мрачный и серьёзный, вскинул руки, призывая к порядку.

– Королева, – произнёс он, – требует туралай. Приведите Серого Клыка.

Дверь распахнулась, и в зал вкатили другую клетку. Поначалу она казалась пустой, но потом Джаннер заметил в углу маленький серый комочек, похожий на скомканное одеяло. Толпа молча наблюдала за тем, как клетку поставили у подножия дерева, меж двух громадных корней.

– Кальмар, не бойся, – сказала Лили, и её голос прозвучал дивной музыкой. – Всё будет хорошо, мы здесь.

Серый комочек шевельнулся, показались два дрожащих уха, потом синие глаза и влажный чёрный нос. Кальмар крепко обхватил себя лапами; его трясло словно в лихорадке. Увидев Лили, Нию и остальных, он заскулил. У Джаннера заныло сердце, и он с трудом подавил желание распахнуть дверцу, схватить брата и убежать.

Радрик смахнул пыль с резной деревянной шкатулки, стоящей возле трона, открыл её и извлёк кинжал. Без единого слова семеро вождей поднялись и окружили Радрика. Ния, которая, похоже, прекрасно знала, что делать, встала между ними и протянула правую руку ладонью вверх.

– Ния Ветрокрыл, королева Анниеры, – громко произнёс Радрик, – ты провозгласила туралай ради спасения Серого Клыка, которого называешь своим сыном.

– Да, и не жалею об этом, – ответила Ния.

– Тогда в присутствии вождей Бан Гины, Бан Ругана, Бан Йорны, Бан Финника, Бан Сорана, Бан Верды и Внешних долин поручись за Серого Клыка...

– Моего сына зовут Кальмар Ветрокрыл, – перебила Ния. – И ты не дождёшься от меня уважения, пока не назовёшь его настоящим именем.

Радрик взглянул на вождей. Этот здоровяк казался маленьким рядом с Нией.

– Хорошо. Ты поручишься за Кальмара Ветрокрыла, и порукой будет твоя жизнь. И если он нарушит законы Зелёных лощин, прольётся не только его кровь, но и твоя... – Он шагнул к Ние и понизил голос: – Не надо, молю тебя. Этот Клык... прости, твой сын... он безумен. Я слышал, вчера ночью в темнице он выл, как дикий зверь. Он обломал когти, царапая камень. И это только начало. Ты видела того, другого Клыка! Пройдёт время, и твой сын тоже лишится рассудка, я это точно знаю, и тогда он совершит убийство и погибнет, и ты погибнешь вместе с ним. Пожалуйста, Ния! Обратной дороги не будет!

– Я не отрекусь от сына, – произнесла Ния. Она смотрела на Радрика, пока тот не отвёл глаза.

– Туралай, – наконец сказал Радрик и провёл ножом по её ладони. Ния не дрогнула. Хозяин лощин взял её за запястье и воздел в воздух её окровавленную ладонь, чтобы все видели. – Жители лощин! В присутствии свидетелей мы обратились к древнему закону! Под ветвями нашего древнего дерева была принесена клятва! Пусть кровь скрепит свободу пленника!

– Да будет так, – откликнулись собравшиеся.

Радрик выпустил руку Нии и отошёл. Она шагнула вперёд и прижала ладонь к стволу. Джаннер впервые заметил на тёмной коре над троном множество выцветших от времени отпечатков.

Кровь стекала по запястью Нии, пока она не отняла руку, чтобы все увидели оставленный ею алый след.

– Именем моего отца Подо Рулевого, моего деда Каргана Игиби и прадеда Джанибера Игиби, именем самого Создателя, освободите моего сына.

Стражи отперли клетку. Дверца скрипнула.

– Кальмар, выходи, – сказала Ния.

Кальмар кивнул и наклонил голову набок, глядя то на мать, то на стражей, как испуганный щенок. Ничуть не заботясь о том, что подумает совет, Джаннер вбежал в клетку и вынес брата на руках. Он стоял в кругу родных у подножия дерева и смотрел, как лоцинцы в молчании покидают зал совета.

Радрик принёс Нии бинты, и Подо, сухо кивнув, принялся перевязывать руку дочери. Радрик откашлялся и с усилием взглянул Нии в глаза:

– Я надеялся, что всё будет по-другому...

– Мы часто на это надеемся, – отозвалась Ния, глядя в сторону.

Оскар покачал головой и уставился в пол. Кальмар был свободен, но Ния лишилась бы жизни, если легкомыслие, глупость или какой-нибудь глубинный неудержимый порыв вовлекли мальчика в беду. Джаннер со страхом подумал: да, уж в беду-то Кальмар всегда влезал с необыкновенной лёгкостью. Кроме того, дяди Артама, их самого рьяного защитника, с ними уже нет.

– Идёмте, дети, – сказала Ния.

Она помогла Лили встать, поцеловала Кальмара в лоб и первой вышла из зала.

Выходя на улицу, Джаннер оглянулся. Радрик уныло сидел на троне и смотрел им вслед. Над его головой блестел кровавый отпечаток ладони.

13. Тыквенный суп и старый друг

По прохладным улицам Игиби возвращались в гостиницу. День был прекрасным и безоблачным, но ничто не могло снять тяжесть с души Джаннера. Ярко-оранжевая кайма на листьях сообщила, что в лощины скоро придёт осень, и Джаннер гадал, сильные ли здесь холода.

Все шли молча, радуясь, что Кальмар свободен, однако события минувшего дня висели над ними, как грозная туча. Кальмар, казалось, не пострадал, хотя синяков под мехом всё равно не было видно. Впрочем, держался он настороженно и жался к Джаннеру.

Джаннеру хотелось спросить у матери или у Подо, что дальше, но он сомневался, что старшие задумывались о будущем – разве что о возвращении в гостиницу, где их ждали ужин и отдых.

– Смотрите, – сказала Лили, указывая на поле, где по траве босиком бегали дети. – Они играют в зибзи, мама?

– Вроде того, – ответила Ния.

– Эта игра малость поглубже той, к которой вы привыкли, – произнёс Подо. – Когда я впервые явился сюда, здешние ребята раскатали меня тонким слоем. А я, между прочим, был пиратом с самого грозного корабля, который когда-либо плавал по морю!

– Ты им не понравился? – спросила Лили.

– Отчего же, понравился! Но я был чужаком, вот и пришлось доказывать, что я чего-то стою.

– И что же ты сделал? – спросил Кальмар.

Он заговорил впервые после освобождения, и Джаннер обрадовался, услышав голос брата. Как бы он ни выглядел, как бы грубо ни обходились с ним стражи, Кальмар вернулся к родным.

– Поговорим за обедом, – сказала Ния, направляясь к гостинице. – Нам многое нужно обсудить, а потом дедушка расскажет свою историю.

Джаннеру показалось странным, что его мать так торопится. Потом он заметил взгляды, которые она бросала на окна домов, стоящих вдоль улицы. Из-за занавесок выглядывали лица. Люди следили за ними, особенно за Кальмаром. Одни не скрывали подозрения, другие страха. Джаннер разглядел и гнев. И тогда ему тоже захотелось поскорей вернуться в гостиницу.

Когда они пришли, внизу никого не было, кроме женщины, которая прислуживала им накануне вечером. Грузно сидя в кресле у дымящегося очага, она устремила на них испепеляющий взгляд и сказала:

– Ну вот, как боялась, так и вышло. Вы вернулись и волка с собой привели.

И вновь Джаннер ждал, что Ния вспыхнет, но та сохраняла спокойствие:

– Это мой сын. Надо понимать, гостиница опустела из-за нас?

– Да, – подтвердила женщина, отвернувшись. – Прошёл слух, что Серого Клыка отпустили на свободу и что он идёт сюда. Вот все и разбежались. У меня полный горшок тыквенного супа, а есть некому. Даже ваши кимерцы ушли. Сказали, что не заснут, если койку не качает, и отправились на корабль. Сомневаюсь, что они придут ужинать.

– Мне жаль, что так вышло. – Ния шагнула к ней и дождалась, когда та оторвёт взгляд от очага и обернётся к ней. – Но нам некуда больше идти и негде пообедать. Мы вымоем кухню и приборём в комнатах, а потом поищем другое жильё – из уважения к вашей доброте и усердию. Не сомневаюсь: как только мы уедем, ваш хлеб с корицей и тыквенный суп сразу же привлекут сюда толпу голодных едоков.

Женщина вздохнула, отряхнула фартук и встала. Она посмотрела на всех поочередно, кроме Кальмара, покачала головой и скрылась на кухне.

– Досадно, – заметил Оскар, почёсывая живот. – Хорошо, что не нужно долго ждать супа. – Он плюхнулся на стул, заправил салфетку за ворот рубашки и потёр руки.

Ния кивнула остальным, и все они сгрудились за столом у очага. Сама Ния без приглашения зашла на кухню и через минуту появилась, неся шесть кружков с горячим сидром, по три в каждой руке. Хозяйка шла за ней, с подносом, уставленным дымящимися деревянными мисками. Она явно смягчилась и даже поблагодарила Нию за помощь.

– Не стоит благодарности, милая. Мы поможем тебе прибраться, когда поедем.

– Не нужно, ваше величество. Меня зовут Эленна, если что. – Женщина неуклюже сделала реверанс и вышла.

– Джаннер, – сказала Ния, – пожалуйста, прочти молитву.

Джаннер склонил голову и вдохнул насыщенный запах тыквенного супа, так что благодарность прозвучала совершенно искренне.

– У меня три вопроса, – произнёс Оскар и поднёс ложку к губам. – Во-первых: куда улетел Артам? Во-вторых: что такое туралай? В-третьих: где тут библиотека? Ничего себе – Кальмар, ты уже всё съел?!

Кальмар хрипло рыгнул и вытер морду лапой.

– Это четыре вопроса, – хихикнув, заметила Лили.

Эленна вышла из кухни и налила Кальмару добавки. Но она по-прежнему не смотрела на него и промолчала, когда он её поблагодарил.

– Дядя Артам вернулся в Скри, – сказал Джаннер.

Ния вскинула брови:

– Зачем?

– Он сказал, что нужен там. Я думаю, он полетит в Кимеру, чтобы помочь Гаммону. И заодно я попросил его освободить рабов на фабрике вилок в Дагтауне. Сара Кобблер ещё там...

Кальмар хихикнул:

– Сара Кобблер? Девочка с красивыми голубыми глазами?

– Что? – спросил Джаннер, покраснев.

– Ты звал её во сне, – ответил Подо.

– Почти каждую ночь, – подхватил Кальмар. – «Сара! Твои глаза так прекрасны! Я вернусь за тобой, Сара!» – Он взвыл от смеха, и Джаннер ткнул его в плечо.

– Мальчики! – сердито сказала Ния. – Ведите себя как подобает. Кальмар, не дразни брата. Если человек влюбился, тут уж ничего не поделаешь.

Под общий смех Джаннер принялся мешать суп. Когда все замолчали, а щёки у него приобрели обычный цвет, он продолжил:

– Короче, дядя Артам улетел.

Остальные покашливали, вытирали глаза и прихлёбывали суп.

– Он сказал, что из-за него у нас будут сплошные неприятности. Как будто в нём сразу два человека и он не может предугадать, когда Пит Носок возьмёт верх. Жаль, я не знаю, что его так изменило. Что-то случилось... ну, дело не только в том, что у дяди Артама выросли когти. Он сказал, что хочет обратиться подальше от Чёрного леса.

Ния подняла голову:

– Я и не знала, что он бывал в Чёрном лесу. Это ужасное место.

– Как Глибвудский лес? – спросила Лили.

– Хуже, – покачала головой Ния.

– Гораздо хуже, дочка, – сказал Подо и помрачнел. – Глибвудский лес опасен, потому что в нём водятся клыкастые коровы, рогатые гончие и прочие зверюги. Они, конечно, кровожадны, но это просто животные. А Чёрный лес полон чудовищ. В молодости я как-то отправился на запад, чтобы взглянуть на него. Смертоносные горы там становятся ниже и сливаются с холмами, на которых растёт Чёрный лес. Так вот, стволы там походили на грязные кости, а

ветви на пальцы. Клянусь, я видел, как шевелятся заросли – и вовсе не от ветра. Твари в лесу кишели, словно черви в гнилом мясе! – Подо хлебнул супа, не обращая внимания на то, что всех сидящих за столом замутило. Ния вздохнула. – Точней и не скажешь! – заверил Подо, пожав плечами.

– Сколько помнят люди, в Чёрном лесу всегда обитал непонятно кто, – подтвердила Ния. – Такие жуткие твари, что их даже описать невозможно, – во всяком случае, так гласит легенда. В толк не возьму, что там забыл дядя Артам.

Джаннер доел суп и только успел задуматься о добавке, как появилась хозяйка и заново наполнила его миску.

– Что касается вашего второго вопроса, Оскар, – сказала Ния, – туралай – это древний местный обычай. Он означает, что мы с Кальмаром отныне связаны в жизни и в смерти.

Кальмар оторвался от супа и моргнул:

– В каком смысле?

– Если ты нарушишь закон, меня тоже накажут.

– И тут уж ничего не поделаешь, – мрачно проговорил Подо. – Если ты украдёшь у Даниби мешок яблок и совет решит на месяц отправить тебя в тюрьму – твоя мать сядет за решётку вместе с тобой.

– Другого выхода не было. – Ния улыбнулась Кальмару. – Я тебе доверяю.

– Ты не беспокойся. Не стану я красть у Даниби его дурацкие яблоки, – сказал Кальмар.

– Знаю, что не станешь, сынок. – Ния наклонилась и внимательно посмотрела Кальмару в глаза. – Ты король Сияющего Острова. Это главное. А шерсть ничего не значит. – Она подняла перевязанную руку. – Я ни о чём не жалею. И не пожалею никогда.

Джаннер молча смотрел на Клыка и на королеву. Он убеждал себя, что брат никогда не нарушит законы лощин, что решение матери провозгласить туралай было единственным выходом и что Кальмар оправдывает её доверие. Потом Джаннер задумался, зачем он вообще себе об этом говорит. Но что поделаешь – он всё ещё пытался заглушить тихий голос в глубине души... голос, который по-прежнему сомневался, что Кальмару можно доверять. Раны на ногах, груди и спине впервые за день заныли.

Оскар доел четвёртую миску супа и отодвинулся от стола, прикрыв салфеткой объёмистое брюхо.

– А мой третий вопрос? Насчёт библиотеки. Чтобы перевести Первую книгу, мне нужно предпринять массу изысканий. И потом, я мечтаю перечитать «Дальнейшие восторги Биллиама Стона»! Наверняка здесь есть эта книга, поскольку деяния Биллиама Стона описывают в том числе незаконное присвоение фруктов и их производных. Я с удовольствием побываю в здешней библиотеке!

– Если желаете сходить в библиотеку, я вас провожу, – произнёс незнакомый голос.

Повернувшись, все увидели стоящего на пороге низенького старичка в великолепно сшитом костюме. Его лицо было чисто выбрито, из-под цилиндра выбивались седые кудри. Он так широко улыбался, что глаза у него превратились в весёлые щёлочки.

Старик снял цилиндр и низко поклонился, широко разведя руки:

– Ваше величество, я рад вас видеть.

Ния, ахнув, вскочила, бросилась к двери и так стиснула старика в объятиях, что его ноги оторвались от пола.

– Бонифер! – закричал Подо. – Бонифер Сквун!

14. Наследство Каргана Игиби

У Джаннера голова шла кругом: герой историй, которые ему рассказывали, шагнул прямо в зал гостиницы «Фруктовый сад»!

– «Книги и всякая всячина!» – шепнул Кальмар на ухо брату.

Джаннер удивлённо взглянул на него:

– С ума сойти, ты не забыл!

– Мы ведь нашли его старый дневник, кажется?

Джаннер вспомнил, как они с Кальмаром разбирали книги для Оскара и обнаружили дневник Бонифера. В тот же день Кальмар нашёл карту, которая вела в тайник с оружием в подвале поместья Анкльджелли. Там они укрылись от рогатых гончих... а потом случилось то, что случилось.

– Он, кажется, был другом папы? – спросил Кальмар.

– Ну да, – прошептал Джаннер. – Другом и советником.

Когда Подо, до христа обняв Бонифера, выпустил его, старик поправил цилиндр, отряхнулся и с глубоким почтением взглянул на детей. Сделав шаг вперёд, он поклонился. Поскольку Бонифер не спешил выпрямляться, Джаннер понял, что старик ждёт знака. Ния кашлянула.

– Э... можете выпрямиться, – запинаясь, выговорил Джаннер.

Старик не двинулся. Джаннер подумал, что, возможно, Бонифер уснул или его прихватил радикулит, но тут старый советник негромко произнёс:

– Не обижайтесь, Хранитель, но не вам распоряжаться.

Джаннер густо покраснел и опустил голову.

– Кальмар, – тихо сказала Ния, – Бонифер ждёт, когда король позволит ему выпрямиться.

– А? – Кальмар явно смутился, потом до него дошло, он был в ужасе и не знал, что делать.

– Здравствуйте, сэр, – сказал он робко. – Вы не обязаны мне кланяться. Меня зовут Кальмар. Раньше меня звали Тинк, а сейчас Кальмар. Приятно познакомиться.

Бонифер наконец разогнулся:

– Воистину, я *обязан* вам кланяться, ваше величество. Я подданный Анниеры – вы мой король. Всё просто. – Держа цилиндр в руках, он с улыбкой взглянул на волчонка. – Король Кальмар, мы с вами уже встречались, хоть вы этого и не помните. Я держал вас на руках, когда вы были младенцем. Я находился в соседней комнате, когда вы родились, и слышал, как вы сделали первый вдох. Ваш отец был моим близким другом, и хотя, как я вижу, вы претерпели некоторые... изменения, я тем не менее узнаю в вас его черты.

Кальмар кивнул, не в силах взглянуть в добрые глаза Бонифера.

– Воистину, – продолжил Бонифер, повернувшись к Джаннеру и кивнув, – для меня большая часть познакомиться с Хранителем трона. Джаннер, ты так же решителен, как Артам, и так же красив. Все девушки в королевстве будут вздыхать по тебе. Как и положено.

Джаннер стоял по-прежнему весь красный, теперь уже от смущения.

– Лили Ветрокрыл, Поющая дева Анниеры. Какая же ты хорошенькая! Я к твоим услугам. – Бонифер нагнулся, чтобы посмотреть девочке в глаза, и коснулся свистоарфы, висящей у неё на шее. – Древний инструмент для древних мелодий. Мне так хочется вновь услышать, как они звучат в залах замка Ризен...

– Приятно познакомиться, сэр, – сказал Оскар. Он шагнул вперёд, пригладил прядь волос на лысине и поправил очки. – Невероятная честь! Я прибыл сюда из Глибвуда морем и являюсь самым скромным в этой героической компании. Я Оскар Н. Ритип, книготорговец, ценитель всего странного, красивого и/или вкусного.

– Для меня это тоже честь, Ритип. – Бонифер прищурился и окинул взглядом внушительный живот Оскара, его морской загар, татуировку и тщетную попытку замаскировать лысину. – Интересно, чем, по-вашему, являюсь я?

– Простите?

– Станным, красивым или вкусным?

– И/или вкусным, господин Сквун. Вы удивитесь, сколько вещей могут содержать одновременно все три признака. Взять, к примеру, цветы мыквы...

– И вы бы хотели посетить библиотеку, – перебил Оскара Бонифер, указав на него тростью.

– О да!

– И я, – подхватил Джаннер.

– Ну разумеется, – сказал Бонифер, кивнув мальчику. – Не сомневаюсь, что ваша мать заставляла вас прилежно заниматься СНОПами. Поскольку ты первенец, твои охотничьи угоды – слова, не так ли?

– Да, сэр, – ответил Джаннер. – Мне нравится читать и писать.

– Король Кальмар художник, а Лили Поющая дева. Ваша мать не посрамила Анниеру.

– Так приятно видеть знакомое лицо, Бонифер. – Ния придвинула стул, чтобы старик мог сесть. – Нам даже здесь оказалось нелегко.

– Да-да, – сказал Бонифер, ковыляя к стулу. – Воистину Наг Безымянный отравил добрые души жителей лоцин. Они так яростно защищают свои границы, что никому уже не доверяют, особенно тому, у кого морда... – Заблестевшими глазами он взглянул на Кальмара и улыбнулся. – Ваше величество, я бывал в Дане и видел ужасные вещи. Мне известны хитрости Нага. Он обнаружил давно забытые древние тайны и с их помощью создал ужасных тварей. Я видел многих похожих на вас; минутная слабость легла на них страшным клеймом. Но вы – это не только шерсть, точно так же, как я – не только плоть. Ваша суть гораздо глубже шкуры. Человек может быть очень красив, но в душе чернее смерти...

Кальмар кивнул.

– Пусть здешние грубияны говорят что хотят. Помните, что в ваших жилах неизменно течёт королевская кровь. Наверное, пройдёт некоторое время, прежде чем вам начнут доверять. Я прожил здесь девять лет – и лишь недавно перестал ловить пристальные взгляды на каждом шагу.

– Значит, ты был тут с самого начала? – спросил Подо.

– Да. Когда замок взяли, я бежал. Я пересёк пролив между Анниерой и Данем и отправился по утёсам на север, к Морским Клешням – долгое и трудное путешествие для старика! С тех пор я живу здесь, хотя порой и путешествую, совсем как в былые времена. Дань, по большей части, находится под пятой Нага, а немногие свободные области скоро будут захвачены. Впрочем, Зелёные лоцины не поддаются Нагу, поэтому он перестал их штурмовать. Молитесь Создателю, чтобы он не обнаружил вас здесь, иначе он всей мощью обрушится на лоцины, и, боюсь, перед ним не устоят даже самые могучие воины...

Предостережение Бонифера зловеще повисло в воздухе.

Поморщившись, старик попытался встать, и Джаннер поспешил ему помочь. Мальчику было грустно. Ему очень хотелось расспросить Бонифера об Эсбене. Старый советник был живой связью с его отцом и с Анниерой и служил доказательством того, что сказочное королевство существовало.

– Спасибо, юноша, – кивнул Бонифер, поднявшись. – Поговорим лучше о чём-нибудь приятном. Я знаю, тебе хотелось бы в библиотеку. Но я пришёл, чтобы предложить вам кое-что получше. – Он повернулся к Ние, и его глаза блеснули. – Я предлагаю вам дом. Как насчёт Трубного холма?

Глаза у Нии округлились, но она не произнесла ни слова.

Бонифер извлёк из нагрудного кармана пожелтевший конверт и помахал им в воздухе:
– Здесь, помимо завещания вашего дедушки Каргана Игиби, упокой Создатель его душу, находится дарственная на Трубный холм – ваше семейное гнездо. Дом был завещан вашей матери Вендолин, которая поручила клану Роны передать его вам, если вы окажетесь в нужде. Поскольку вы остались без крыши над головой, без мужа, без королевства и без сил, полагаю, никто не оспорит ваше право.

– Но... но неужели там никто не живёт? – спросила Ния. – Я думала, за столько лет кто-то наверняка...

Бонифер протянул ей дарственную и улыбнулся:

– Кое-кто жил там, моя королева. Я. Я девять лет сметал паутину, гонял швапов, набил кладовую мукой и вековым запасом варенья и не далее чем сегодня утром велел служанке застелить ваши постели. Очаг Трубного холма горит и сейчас.

– Значит, у нас есть дом? – спросила Лили.

Ния улыбнулась:

– Да, милая. Прекрасный дом.

Несколько минут спустя Ветрокрылы уже сидели в повозке, катящей по улицам Бан Роны к их новому дому. Жители лощин смотрели на чужаков – одни угрюмо и недоверчиво, другие с удивлением, третьи с любопытством.

Но Джаннера и его родных это совершенно не беспокоило.

15. Дом на Трубном холме

Город Бан Рона оказался больше, чем думал Джаннер. Высокие дома в гавани, тесно стоящие друг к другу, разделялись узкими проулками. Выстроенные из кирпичей и дерева, они красиво смотрелись на приятных зелёных улицах, полных людей и повозок.

Самый людный район, у причала, представлял собой сплошной рынок, хоть, по словам Бонифера, Великая война и положила конец морской торговле. Гавань была достаточно велика, чтобы местные рыбаки могли прокормиться. Они ловили рыбу, разделявали её, коптили, продавали гарпов, глипперов и стонков; иногда попадался даже восьмиглазый чабгум, нежное филе которого, поданное с гарниром из краснушки, считалось изысканным деликатесом. Торговцы фруктами и пекари из других лощинных городов и деревень по-прежнему приезжали на приморский рынок продавать варенье, пироги, соки и хлеб, хотя ни одного иноземного покупателя в лощинах давно не было. Коммерция, конечно, не процветала, но суета на причале не давала жителям Бан Роны приуныть.

В западной части города, вдали от моря, дома расступались; во дворах виднелись небольшие садики, где росли яблоки, багруши и клепенсины; под деревьями, лениво виляя хвостами, лежали огромные псы. К чужакам они относились гораздо радушнее, чем их хозяева. Те собаки, которые не лежали на лужайках, тяжело дыша бегали в полях, где паслись козы и лошади.

Бонифер въехал на холм на окраине города. Переулков там не было вовсе, дома стояли далеко друг от друга, а булыжная мостовая закончилась. Старик натянул поводья и повернулся к пассажирам с широкой, от уха до уха, улыбкой. Джаннер невольно улыбнулся в ответ.

Бонифер широко раскинул руки, молча указывая окрест. Дети встали посмотреть на расстилающийся перед ними зелёный мир. Джаннер никогда не видел столько оттенков зелени: тёмно-зелёные рощи, яркие сады, полные зрелых фруктов, холмы, напоминающие поросшие травой животы спящих великанов – и всё это испещрено домами, амбарами и оградами. Джаннер уже видел окрестности города с крыши зала совета, но теперь, оказавшись среди холмов и долин, он прочувствовал живую красоту этой земли. Ему здесь очень нравилось.

– Вон он. – Подо, прищурив глаз, притянул Лили к себе и указал рукой. – Вон туда мы едем. Трубный холм.

Дорожка круто шла под уклон и пересекалась с другой дорогой, пошире. Эта другая дорога тянулась вдоль звонкого ручья и исчезала за очередным холмом, где от неё отходила тропа, которая вела через каменный мост над ручьём. Дальше тропа взбегала вверх по холму, вилась вокруг старых деревьев, сгибающихся под тяжестью плодов, мимо маленького водопада, который с плеском вырывался из-под валуна, и заканчивалась на широкой ровной лужайке перед домом.

Дом был больше, чем ожидал Джаннер, но казался таким же уютным, как их старое жилище в Глибвуде. Большие окна выходили на цветущую лужайку. У западной стены стояло дерево, достигая высоты второго этажа; даже издали Джаннер разглядел, что оно вросло в дом, совсем как в Твердыне. Над крышей поднималась широкая труба, и клубы дыма летели над лощиной, словно приветствуя гостей.

– Ты здесь выросла, мама? – спросила Лили.

– И я, и твоя бабушка.

– Так точно, – произнёс Подо. – Немало времени провёл я в этом саду, спрашивая у вашего прадедушки разрешения поухаживать за вашей бабкой.

– Я слышала другое, – с иронической улыбкой ответила Ния.

– Это что же?

– Что упрашивать тебе приходилось мою мать.

– Ха! Да она полюбила меня с первого взгляда, как только увидела моё прекрасное мужественное лицо! – И Подо принял позу, которая, очевидно, казалась ему прекрасной и мужественной.

– Воистину! Разве могло быть иначе? – воскликнул Бонифер, улыбнувшись, и лошади перешли на рысь.

Когда повозка въехала на мост, Джаннер увидел стоящий у ручья камень. Надпись на нём гласила:

ТРУБНЫЙ ХОЛМ
ПОСТРОЕН В 348 ГОДУ ТРЕТЬЕЙ ЭПОХИ
ДЖАНИБЕРОМ ИГИБИ
(насколько нам известно)

По краям моста горели фонари; ещё несколько штук стояли вдоль дороги, ведущей к дому. У Джаннера что-то затрепетало в животе. После девяти лет, проведённых в Глибвуде, под пятой Клыкков, после жизни в лесном замке Пита, после долгого путешествия в Кимеру и стремительного отплытия за море он наконец обрёл дом. Мальчику так страстно хотелось найти приют, что у него даже мелькнула мысль: о чём же мечтать теперь?

Анниера была прекрасным сном, а Трубный холм находился прямо за следующим поворотом дороги. Джаннер надеялся однажды увидеть Сияющий Остров, но если бы ему до самой смерти пришлось прожить в Зелёных лощинах, где в изобилии растут фрукты, шелестит зелёная трава и нет ни одного Клыка (не считая Кальмара, разумеется), он бы не стал возражать. Джаннер ничего не желал, кроме интересных книг, мягкой постели и дружеского круга.

– Добро пожаловать домой, – сказал Бонифер.

Он выбрался из экипажа, поправил лацканы сюртука и подал руку Ние. Подо прыгнул и высадил Лили; братья и Оскар вылезли следом и остановились на лужайке перед домом.

По обе стороны большой деревянной двери горели фонари, в горшках на крыльце росли жёлтые цветы. Дом казался старым, но был ухожен и не заброшен.

– С тобой всё хорошо, деда? – спросила Лили.

– Так точно, внучка. – Подо шмыгнул носом и вытер глаза. – Просто от пыли на слезу прошибло.

– Да, меня тоже... от пыли, – сказала Ния. Она обняла отца и первой шагнула за порог. – Теперь у нас будут новые воспоминания, папа. Детям надо показать их комнаты, Оскару – рассказать, что на ужин... ну а мне хочется посидеть у огня с Бонифером и послушать его историю. Но сначала мыться. Мы все пропахли рыбой и потом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.